SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы — профессия.

- Яков Васильевич Абрамов
  -
  - ВВЕДЕНИЕ
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III
  - ГЛАВА IV
  - ГЛАВА V
  - ИСТОЧНИКИ

Яков Васильевич Абрамов
Генри Мортон Стэнли. Его жизнь, путешествия и географические открытия

Биографический очерк

ВВЕДЕНИЕ

Стэнли как смелый путешественник, совершивший четыре выдающиеся экспедиции в глубь «черного материка», сделавший известным и доступным для европейцев и цивилизации громаднейшие пространства Экваториальной Африки, оказавший этим путем могущественное влияние на жизнь многих десятков миллионов африканских туземцев и вызвавший необычайное развитие колониальных предприятий со стороны европейских государств, — пользуется всемирной известностью. Гораздо менее известен, или, вернее, очень мало известен Стэнли как своеобразная, совершенно неподходящая к нашему времени личность. С одной стороны, он представляет собою крайне выдающийся образчик человека, всецело обязанного своей блестящей карьерой исключительно себе, своей необычайной энергии, своим неординарным нравственным и умственным качествам. В этом отношении рядом со Стэнли из всех современных знаменитостей можно поставить только одного Эдисона, ранняя молодость которого, равно как и характер, удивительно напоминают молодость и характер Стэнли. С другой стороны, Стэнли является человеком, ухитрившимся в наш реальный век и при всей практичности своей натуры оставаться всю свою жизнь человеком идеи, борцом за человека и его достоинство, защитником слабых и противником угнетателей. С этой стороны Стэнли так мало известен, особенно у нас, что в самое последнее время его, одну из благороднейших личностей нашего века, известная часть печати как европейской, так и в особенности русской, трактовала как нового Кортеса, столь же жестокого и корыстолюбивого. В нашей работе поэтому мы будем иметь в виду не столько выяснение научного и политического значения деятельности Стэнли в Африке как уже достаточно общеизвестного, сколько характеристику его как личности — нравственной и умственной. Правда, работа такого рода менее благодарна, так как в материалах для биографии Стэнли упомянутая сторона его жизни обрисована недостаточно полно. Особенно печально, что именно относительно того периода жизни Стэнли, когда слагалась его нравственная личность — детства и первой молодости имеются лишь отрывочные сведения. Тем не менее, полагаем, что биография Стэнли с тем характером, который преимущественно мы придаем ей, должна быть предпочтена изложению одних внешних событий жизни этого замечательного человека или повторению подробностей, уже и без того сделавшихся общеизвестными.

Источниками при составлении биографии Стэнли нам служили, главным образом, книги самого Стэнли, посвященные описанию его путешествий и государства Конго, книги и статьи Адольфа Бюрдо, капитана Глэва, Скотта, Вотера, Кельти и отчет газеты «Western Mail» о беседе ее корреспондента с матерью Стэнли.

ГЛАВА I
ДЕТСТВО И МОЛОДОСТЬ СТЭНЛИ

Человека, который прославился под именем Генри Мортон Стэнли, в детстве звали Джон Роулендс. Собственно, он и на это имя не имел легального права, так как это было имя его незаконного отца. Ребенком он и не назывался по отцу, а был известен под именем Джона Бэча, и лишь когда вырос настолько, что мог узнать о своем происхождении и оценить по достоинству поступок отца, бросившего его на произвол судьбы, он самовольно стал носить фамилию Роулендс, как позднее принял прославленное им имя Стэнли.

Джон Бэч, Джон Роулендс, или Генри Стэнли, родился в 1841 году в местечке Денбиг в Уэльсе, то есть в юго-западной части Англии. Мать его была дочерью бедного фермера и ее звали Бзтси Пэрри. С нею сблизился сын богатого соседнего фермера, Джон Роулендс. Последствием связи явился ребенок, будущий знаменитый путешественник. Молодой фермер хотел загладить свой проступок женитьбой на матери своего ребенка, но против этого восстал старый Роулендс, находивший женитьбу сына на бедной девушке делом неподходящим, — и молодой человек, уступая отцу, отказался от своей невесты и ребенка. Вся тяжесть воспитания ребенка, соединенная с позором его незаконного рождения, пала на восемнадцатилетнюю Бэтси Пэрри. К счастью, ее отец, Мозес Пэрри, несмотря на свою крайнюю бедность, был человеком гуманным и отнесся к проступку дочери снисходительно. Когда, возвратившись однажды домой, он неожиданно встретил в своем жилище нового жильца, звонким криком возвещавшего о своем присутствии, Мозес Пэрри радушно сказал: «Дайте-ка сюда этого милого малютку. Ну, я в нем не вижу ничего необыкновенного, но все равно. Пусть он, однако, на золоте съест свою первую кашку», — и старик на золотой монете поднес своему внуку несколько капель кашки. «Пусть у него всегда будет серебряная ложка», заключил старик свое приветствие новорожденному.

У деда Мозеса маленький Джон прожил, по одним источникам, до трех лет, а по другим — до пяти. Дед любил своего внука, баловал его и называл в шутку «человеком будущего». Но добрый Мозес Пэрри был разбит апоплексическим ударом и умер. Бэтси Пэрри пришлось идти в услужение, так как ее брат, бывший мясник, и сестры, повыходившие замуж, не хотели знать ее после того, как она родила ребенка. Ребенок

мешал поступлению на какое-нибудь место, и Бэтси вынуждена была отдать его на воспитание в семью соседнего фермера Прайса. На плату за воспитание ребенка шел весь скудный заработок Бэтси, так как отец маленького Джона слышать о нем не хотел, да к тому же он скоро спился и умер после одной драки в кабаке. Что касается родственников Бэтси, дяди и теток Джона, то они также отказывали несчастной матери и ее сыну в какой-либо помощи.

В семействе Прайса Джон прожил несколько лет. Как можно представить, невеселой была эта жизнь. Грубые люди, видевшие в мальчике только средство несколько пополнять свои скудные доходы, не церемонились в обращении с ребенком. У Прайсов было двое собственных детей, и, естественно, маленькому Джону приходилось немало выносить из-за них. К тому же Бэтси далеко не всегда могла аккуратно выплачивать деньги за воспитание сына, и это еще более усиливало дурное отношение Прайсов к своему питомцу. Наконец Бэтси оказалась совсем не в состоянии платить за сына, — и Прайс отвел семилетнего Джона в рабочий дом в Сент-Азафе, где ребенок и остался на общественном попечении.

Оставленный отцом, матерью и прочими родственниками, Джон рано научился отличать отношение к нему отца и родных от отношения матери. Кроме деда, мать была единственным существом, любившим Джона в его детские годы, и он, в свою очередь, сильно привязался к ней, несмотря на то, что судьба так рано разделила их. Мальчик рано научился ценить то, что мать вынесла из-за него общее осуждение, пренебрежение брата и сестер, тяжелый труд для добывания средств на уплату за его воспитание. Он прекрасно понимал, что только полная нищета и потеря заработков принудили мать прекратить плату Прайсам и довели его до рабочего дома. Никогда он не выразил матери ни малейшего упрека за то горе, которое она невольно доставила ему. Напротив, тяжелая жизнь в рабочем доме еще более усилила его привязанность к беспомощной женщине. И эту привязанность Джон, или Стэнли, сохранял до конца дней своей матери, которой выпало на долю счастье видеть сына великим человеком, известным всему миру, но по отношению к ней остававшимся все тем же Джоном, которому она носила в рабочий дом гостинцы, приобретаемые на последние трудовые гроши. Джон с лихвою отплатил матери за ее скромные заботы о нем: он избавил ее от бедности, как только получил к тому возможность, и относился к ней всегда с сыновней любовью и почтением.

В рабочем доме Джон пробыл до пятнадцати лет. Это была тяжелая, суровая школа. Кто хочет знать, что такое детские

приюты английских рабочих домов, особенно чем они были 40 лет тому назад, когда попал в рабочий дом наш Джон, тот может прочитать ужасающее описание их в романе Диккенса «Оливер Твист». В детских приютах царила тюремная дисциплина. Несчастные дети были постоянно голодными, оборванными, мерзли в неотапливаемых помещениях. Телесные наказания практиковались в самых широких размерах и обыкновенно применялись по всякому поводу и без повода. Администрация приютов состояла из людей грубых и своекорыстных, смотревших на приюты лишь как на доходную статью. Во главе того приюта, куда попал Джон, стоял человек жестокий, находивший в мучении вверенных ему детей какое-то сладострастное наслаждение. Особенно плохо приходилось от него Джону, который, подобно Оливеру Твисту, не был в состоянии сносить варварства, царившего в приюте, протестовал против него, насколько это было доступно десяти-двенадцатилетнему ребенку, и наконец, подобно Оливеру, бежал из приюта. Долго он бродил без копейки и без куска хлеба, пока, наконец, голод не заставил его подойти к мясной лавке, которая, как он знал из слов матери, принадлежала его дяде. Мальчика заметили, узнали по сходству с матерью, накормили — и, снабдив шестью пенсами, отправили снова в приют, где за бегство его ожидала генеральная порка. Присужденного к такому наказанию привязывали к скамье и заставляли всех питомцев приюта по очереди сечь виновного. Джону пришлось не раз подвергаться этой экзекуции.

Как ни отвратительны были порядки детского приюта, но и в них была светлая сторона. Она состояла в том, что содержавшимся в приюте детям давали недурное начальное образование. Джон обнаружил в приютской школе такие выдающиеся дарования, что заинтересовал своих учителей, и они дали ему возможность узнать гораздо более чем полагалось по программе школы. Но особенно много пользы принесло Джону в этот период его жизни чтение, которому он имел возможность отдаваться в приюте сколько душе угодно. Любимым чтением его были описания путешествий, и уже в этом раннем возрасте в нем развивалась жажда странствований по неисследованным местностям, жажда открытий. Успехи в занятиях и любовь к чтению обратили на Джона внимание даже жестокого начальника приюта, и он не раз говорил дяде Джона о талантах его племянника и о том, что родне Джона следовало бы сделать что-нибудь для него. Под влиянием таких аттестаций одна из теток Джона, имевшая небольшую ферму и кабак, в 1856 году, когда Джону было пятнадцать лет, взяла его к себе и поручила ему пасти своих овец. Это значило «сделать что-нибудь для

племянника».

Само собою разумеется, что Джон не мог долго оставаться пастухом, и при первой же возможности переменил эту профессию на совершенно иную. В числе родственников Джона по матери был школьный учитель Мозес Оуэн. Ознакомившись с познаниями Джона, вынесенными из приюта, Оуэн взял его к себе в помощники. Недолго пробыл Джон и на этом месте. Оуэн был человеком совершенно невежественным, но крайне самолюбивым. Увидев, что Джон знает больше его самого, Оуэн перестал допускать его к занятиям с учениками, а заставлял исполнять обязанности сторожа. Джон должен был чистить сапоги, мести комнаты, топить печи и так далее, не получая к тому же за всю свою работу ни гроша. Джон скоро оставил и этого «доброго» родственника и отправился в Ливерпуль. Здесь он нашел место приказчика у одного мясника. В Ливерпуле жила одна из его теток, и он поселился у нее. Положение его было по-прежнему далеко не блестящим. Место приносило ему так мало, что жалованье шло почти целиком на уплату за содержание. А каково было это содержание, можно видеть из того, что Джон должен был спать на одной кровати с сыном тетки, который с самого же начала стал питать к нему враждебные отношения, приводившие чуть не каждую ночь к драке. Но как ни плохо приходилось Джону, он не унывал, у него была уже в это время определенная цель, ради которой он и перебрался в Ливерпуль. Цель эта состояла в том, чтобы отправиться в Америку, составить себе там карьеру, разбогатеть и, вернувшись к дорогой матери, избавить ее от нищеты. Чтобы скопить сумму, нужную для уплаты за переезд в Америку, Джон отказывал себе во всем, но дело плохо подвигалось вперед. К тому же он оставил свою тетку, жить у которой долее оказывалось совершенно невозможным, а скоро затем потерял место и у мясника. Но Джон в это время уже представлял собою человека, который никогда не падал духом и не оставлял раз намеченной цели, пока она не достигнута. Он стал работать на разгрузке кораблей, ночевал на пристани и, питаясь всякой дрянью, продолжал копить деньги. Однако скоро ему пришлось убедиться, что новое ремесло еще менее способно дать ему нужные для переезда в Америку средства. Тогда он отправляется к капитану корабля, готовившегося к отплытию в Новый Орлеан, и просит принять его в состав корабельного экипажа. Капитан отказал, заявив, что экипаж уже полон. Джон объяснил, что ему, собственно, нужно переехать на корабле в Америку, что у него недостает фунта стерлингов для уплаты за переезд и что он предлагает за недостающий фунт свой труд. На этих условиях капитан согласился принять его юнгой,

обязанности которого Джон и исполнял, пока корабль не прибыл в Новый Орлеан и не высадил искателя счастья на берег. В это время Джону было 17 лет.

Как видим, к семнадцати годам своей жизни Джон испытал столько превратностей судьбы, сколько не многим выпадает в течение целой жизни. Незаконный сын чуть не нищей, питомец чужой семьи, пансионер рабочего дома, учитель, приказчик, рабочий на пристани и, наконец, юнга — таковы разнообразные положения, в которые судьба ставила Джона в детстве. И во всех этих положениях он не встречал ниоткуда ни малейшей поддержки, но всегда должен был рассчитывать только на себя. Сталкиваясь всюду с враждебным настроением, получая отовсюду обиды, Джон не озлобился, не очерствел сердцем, — быть может, именно благодаря горячей, хотя и беспомощной любви своей матери; но зато он закалился в испытаниях и в характере его развились те черты, которые впоследствии служили основою успеха его смелых до дерзости предприятий. Отвага, упорное стремление к намеченной цели, необычайная энергия, отсутствие малодушия при неудачах — все это обнаружено Джоном в детстве в такой же мере, в какой и путешественником Стэнли — в зрелых летах. Те же качества мы видим и в юноше, высадившемся без гроша денег в Новом Орлеане искать счастья.

В Новом Орлеане Джону пришлось вынести немало горя. Совершенно чужой всем, он долго не мог найти никакого занятия, перебиваясь случайной работой, какую можно было найти на улицах большого города. Случалось ему в это время не раз голодать, а ночевка на улице была для него обычным делом. Из такого печального положения его вывел случай. Случай вообще играл большую роль в жизни Джона, что и понятно, так как случаи выпадают на долю преимущественно тех, кто их ищет. В этом смысле может быть названо счастливым случаем и то обстоятельство, что, идя однажды по улице, Джон, внимательно присматривавшийся ко всем объявлениям, заметил в окне молочной лавочки лоскуток бумаги с надписью: «Требуется мальчик». Джон направляется в лавку и предлагает свои услуги в качестве мальчика. Хозяин лавки, желая узнать его почерк, заставил его скопировать надпись, видневшуюся на всех мешках лавки: «H. M. Stanley». Это была фамилия лавочника, ставшая затем фамилией и Джона. Почерк Джона понравился купцу, и он принял его в свою лавку. У Стэнли Джон прослужил три года. За это время он так понравился хозяину своей расторопностью, сообразительностью и трудолюбием, что тот произвел его из «мальчиков» в старшие приказчики, а затем и усыновил его, благодаря чему наш Джон и превратился в Генри Мортона

Стэнли. К сожалению, в 1861 году, когда Стэнли было двадцать лет, его приемный отец умер, не оставив никакого распоряжения относительно своего наследства. Оно перешло к его родственникам, а Стэнли осталось одно имя покойного, и с этим единственным достоянием он должен был начинать свою карьеру снова.

Тогда начиналась борьба южных и северных американских штатов. Обыкновенно борьбу эту представляют как войну за освобождение негров. В действительности это было далеко не так. Как среди северян рядом с людьми, стремившимися к освобождению негров, боролись люди, которым не было никакого дела до негров, и таких насчитывалось большинство, так и среди южан рабовладельцы составляли ничтожную горсть, большинство же шло сражаться за самостоятельность штатов. Армии обеих сторон вербовались почти исключительно из добровольцев, и, конечно, тот энтузиазм, который охватил весь Юг, давая ему силы бороться так долго и так мужественно с несравненно большими силами северян, был вызван не увлечением интересами рабовладельцев. Вопрос о неграх был только одним из элементов борьбы, искусно выдвинутым на первый план северянами. Для большинства же южан в этой борьбе решался вопрос: должен ли каждый штат представлять собой самостоятельное государство, которое принимает решения общего конгресса и даже остается в составе всей федерации лишь до тех пор, пока само того желает, или штаты должны быть нераздельною частью одного государства и обязаны подчиняться решению всего конгресса, как бы отрицательно к этому решению отдельные штаты ни относились. Говоря короче, вопрос шел о пределах автономии отдельных штатов, и в то время, как Юг стоял за безусловную автономию, Север, а за ним и Запад, ограничивали эту автономию авторитетом целого союза. Юг отринул этот союз, объявив себя самостоятельным государством, а Север решился с оружием в руках принудить его возвратиться к прежнему союзу. Ошибка южных автономистов состояла в том, что они для усиления своей мощи соединились с аристократами-рабовладельцами, чем воспользовался Север и благодаря чему он победил.

Энтузиазм, охвативший южан, не миновал и Стэнли. Двадцатилетний юноша тогда еще не вдумывался в значение великой борьбы и видел в ней только ратоборство желавшего быть самостоятельным Юга с притязаниями Севера. Стэнли, подобно многим тысячам молодежи южных городов, которая шла на смерть для защиты политической самостоятельности Юга, поступил в армию южан, под команду храброго генерала Джонстона. Он участвовал во всех походах этой армии и данных

ею сражениях. Это была тяжелая для южан борьба. Беспрерывные походы и почти ежедневные стычки страшно ослабили южную армию. Стэнли был до того измучен и утомлен, что по своей худобе походил скорее на скелет, нежели на человека. Наконец в сражении при Гитсбурге Стэнли был взят в плен и вместе с другими пленными обречен на расстрел. Несчастных посадили в клетки и повезли в главную квартиру северян, где должны были совершиться формальности военного суда и затем расстрел. Во время переезда Стэнли, воспользовавшись своею феноменальною худобою, пролез между палками клетки и убежал. Сопровождавшие клетки с пленниками северяне дали по беглецу несколько выстрелов, но пули счастливо миновали Стэнли, и он успел скрыться в соседнем лесу.

Освободившись от опасности, Стэнли некоторое время пробыл в бездействии. Ему нужно было отдохнуть и собраться с силами. К тому же им овладело сомнение — действительно ли он борется за благородное дело, присоединившись к южанам? Поступив в армию, он скоро увидел, какую громадную роль начали играть в ней аристократы-рабовладельцы и как первоначальная цель борьбы — отстаивание самостоятельности южных штатов — все более уступала элементу, бывшему сначала случайным в деле, — борьбе за рабовладение. Негры, которым северяне объявили свободу, естественно, сделались их союзниками и как знатоки местности оказывали им бесценные услуги, в то же время всячески вредя армиям южан. Это вызвало сильнейшее раздражение против негров среди южан — и дело рабовладельцев все более становилось делом всего Юга, а варварское отношение к неграм делалось на Юге всеобщим. Такое положение вещей не могло не показать благородному Стзнли, что, каковы бы ни были первоначальные причины борьбы, в данный момент симпатии людей гуманных должны быть на стороне Севера, ибо результатом его победы должно быть великое дело освобождения негров, тогда как победа Юга отодвинула бы это освобождение на многие десятки лет. И вот, едва оправившись, Стэнли поступает простым матросом на один из кораблей, действовавших тогда против Юга.

На морской службе Стэнли пробыл три года, с 1863 по 1866 год, когда была окончена война. Все это время он ревностно исполнял свои обязанности — сперва матроса, а затем мичмана. В мичманы его произвели за смелый и опасный подвиг. Корабль, на котором он служил, вывел из строя неприятельское судно, которое, однако, стояло под выстрелами неприятельской крепости, так что его невозможно было взять. Стэнли бросился в воду, проплыл под выстрелами разделявшее оба судна расстояние

и привязал к неприятельскому судну канат, так что появилась возможность увести этот ценный приз.

С окончанием войны Стэнли вышел в отставку, и первым делом его после этого было отправиться в Англию к матери. Он провел с матерью рождественские праздники, посетил могилу деда и обошел все места, памятные ему по печальному детству. Он не забыл навестить рабочий дом, где провел некогда целых восемь лет, и щедро угостил воспитывавшихся в нем теперь детей. Мрачные воспоминания вызвали в нем желание посмотреть на своих бывших мучителей. «Что сделалось со стариком Фрэнсисом? — спрашивал 25-летний пылкий юноша о бывшем начальнике детского приюта. — Я охотно всадил бы ему пулю в лоб». Ему ответили, что Фрэнсис умер. Родственники, некогда бросившие его на произвол судьбы, теперь заискивали перед молодым блестящим офицером. Даже Прайс, отдавший его некогда в рабочий дом, теперь напомнил ему о том, что первоначальное воспитание он получил в его. Прайса, семье. Словом, здесь происходили обычные комедии, которые Стэнли впоследствии видел на более значительной сцене, с более крупными действующими лицами. Зато много радости ему доставило то неподдельное счастье, которое испытывала его мать, видя своего Джона бравым молодцом, пробившим себе дорогу в жизни совершенно самостоятельно и относившимся к ней со всею сыновней преданностью.

Сделавши для матери все что он мог, Стэнли отправился в Константинополь, и оттуда — в Малую Азию. Сюда гнала его страсть к путешествиям, зародившаяся в нем, как мы видели, еще во время пребывания в рабочем доме. Стэнли думал посетить Ливан, Иерусалим, Синай и другие библейские места. Однако этот первый опыт путешествия кончился неудачно в самом начале. Близ Смирны Стэнли со своими спутниками, двумя американцами, попал в руки разбойников, так что путешественникам пришлось вернуться почти голыми, завернутыми в одеяла. В Константинополе Стэнли набросал описание своего приключения и поместил его в тамошней газете «Levant Herald». Описание имело громадный успех и произвело сильнейшее впечатление. Под влиянием этой статьи турецким правительством были приняты чрезвычайные меры по розыску разбойников, и все похищенное у путешественников было возвращено им. Этот неожиданный успех открыл самому Стэнли глаза на его литературный талант, и он решился стать репортером.

Репортер американской газеты — совсем не то, что связывается с этим именем в нашем представлении. Это — совсем

не газетный чернорабочий, отыскивающий фактики для наполнения ежедневной газетной хроники. Американский репортер душа газеты. Он знает все, что происходит в городе, штате, целом союзе или во всем мире. Он всегда впереди всех и всего. Он раскрывает преступление раньше полиции, является в неприятельскую страну раньше армии, узнает о всяких злоупотреблениях раньше суда. Он — орган общественного мнения и вместе с тем его руководитель. Он — контролер общественной жизни, которому, хотят они того или нет, но должны отдавать отчет в своих действиях все учреждения и все деятели. Роль репортеров в Америке столь велика, что мы и представить не можем по нашей жалкой действительности. И Стэнли явился достойным представителем американского репортерства.

По приезде в Америку Стэнли в качестве репортера газет «Missouri Democrat» и «New-York Tribune» отправился с армией генерала Шермана, двинувшейся на дальний запад против краснокожих. Поход этот кончился скоро, принеся фальшивые лавры Шерману за победу над беззащитными индейцами, и действительные — Стэнли, горячо выступавшему в своих корреспонденциях на защиту несчастных краснокожих, которых теснили и истребляли, как продолжают истреблять и теперь, беспощадные представители цивилизации. По окончании похода Стэнли, вместо того, чтобы вернуться с армией, спустился в сопровождении всего одного человека по неизведанной тогда реке Платт до ее слияния с Миссури.

Этот первый опыт репортерства обратил на себя общее внимание, и по возвращении из похода Стэнли был приглашен важнейшей американской газетой «New-York Herald» в корреспонденты с жалованьем восемь тысяч долларов в год. В это время англичане организовали экспедицию в Абиссинию для наказания царя Федора, заключившего в тюрьму английского консула и нескольких других англичан. «New-York Herald» поручил Стэнли сопровождать эту экспедицию.

Прежде чем отправиться в Абиссинию, Стэнли заехал в Англию снова повидаться с матерью. Он приехал в Лондон и отсюда телеграфировал матери, прося ее приехать к нему. Старушка, никуда не выезжавшая из своего захолустья, была страшно поражена великолепием Лондона, его громадностью, царившим в нем движением, богатым отелем, где поместил ее сын, театром, в который он свозил ее, а больше всего вызывал ее изумление собственный сын, одетый, по ее выражению, «как принц», и бывший в приятельских отношениях с самыми важными господами, каких только могла представить себе деревенская

женщина. Она относилась к сыну с каким-то благоговением и очень гордилась им. Однако успех сына, свидетельницей которого она была в Лондоне, не мог удовлетворить ее: для нее было гораздо важнее видеть успех его в Денбиге, и она упросила сына посетить с нею снова родное местечко. Наивная женщина была вполне удовлетворена, потому что если уже в свое первое посещение Стэнли был предметом общего внимания Денбига и окрестных мест, то теперь он был здесь настоящим героем дня. В это посещение родины Стэнли встретился с девицей Гоф и влюбился в нее. Последняя также отвечала ему любовью. Расставаясь, молодые люди дали друг другу слово, и Стэнли писал своей невесте горячие письма из Абиссинии. Однако мисс Гоф не дождалась возвращения Стэнли и вышла замуж за манчестерского архитектора. Это так подействовало на Стэнли, что он решил остаться навсегда холостяком. И только через двадцать лет решение это было нарушено, как увидим ниже.

Поход в Абиссинию, который принес славу англичанам, победившим Федора и освободившим захваченных им пленников, послужил основою всемирной славы Стэнли. Лично для него поход этот оказался прекрасной школой, подготовившей его для совершения следующих обессмертивших его путешествий. Поход по Абиссинии, дикой гористой стране, среди враждебных племен, принадлежал к числу труднейших, какие когда-либо совершались большими армиями, и недаром эта экспедиция считается крупнейшим военным предприятием англичан. Стэнли пришлось много натерпеться во время похода, так как он не взял с собой никаких запасов, не подозревая, что в Абиссинии нельзя достать буквально ничего. В середине похода багаж Стэнли состоял из одной буйволовой кожи, служившей ему и плащом, и одеялом, и щитом от стрел туземцев. Из-за такой беспечности Стэнли пришлось и наголодаться, и настрадаться от холода, и вообще натерпеться всевозможных лишений. Зато такая легкость позволяла Стэнли делать быстрые переходы, и он поспевал решительно всюду, где было что-либо интересное. Когда была взята Магдала, главный опорный пункт Федора, и последний в отчаянии покончил с собой, Стэнли первым прискакал к телеграфной станции и отправил телеграмму с описанием события в «New-York Herald». Вскоре на станцию явились корреспонденты других газет, но Стэнли не уступил им места, а продолжал телеграфировать — целую сотню страниц из Библии. Телеграмма обошлась газете страшно дорого, но она окупила с лихвою затрату. На Абиссинскую экспедицию тогда были устремлены взоры целого мира, а всего более ею интересовались, понятное дело, в Англии и Америке. «New-York Herald»,

поместивший известие о событии, оканчивавшем экспедицию, сутками ранее всех других газет, разошелся в невероятном количестве экземпляров. Отныне Стэнли стал «королем» репортеров и корреспондентов.

Вернувшись из Абиссинии, Стэнли вел самую деятельную жизнь в качестве корреспондента «New-York Herald». Он совершил путешествие по Малой Азии, задуманное им, как мы видели, несколько лет тому назад, но так некстати прерванное тогда разбойниками. Далее он изучал и описывал в своей газете работы по проведению Суэцкого канала. Отсюда он направился в Испанию, где был свидетелем событий испанской революции. Здесь, в Мадриде, куда он только что вернулся из Валенсии, прославившейся страшной резней на улицах, которую Стэнли наблюдал и описал, в октябре 1869 года он получил от собственника «New-York Herald», знаменитого Гордона Беннета-младшего, лаконичную телеграмму: «Приезжайте в Париж по важному делу». Стэнли знал, что означает подобная телеграмма от Гордона Беннета; а между тем он так много вынес за последние три года и так нуждался в отдыхе, которым рассчитывал воспользоваться после испанских событий. Но Стэнли всегда забывал об отдыхе, когда впереди предстояло дело, и потому, получив телеграмму, немедленно отправился с экстренным поездом в Париж.

В Париж Стэнли прибыл ночью и немедленно отправился в «Grand Hotel», где остановился Беннет. Беннет лежал уже в постели, но на стук Стэнли в дверь пригласил его войти. Ранее эти два замечательных человека еще не встречались друг с другом. Происшедший между ними разговор до такой степени характерен, что мы передадим его здесь буквально, как он изложен самим Стэнли в книге «Как я нашел Ливингстона».

— Кто вы? — спросил Беннет вошедшего Стэнли.

— Моя фамилия Стэнли, — отвечал тот.

— А! Садитесь, у меня есть важное поручение для вас. Как вы полагаете, где в настоящее время находится Ливингстон?

Стэнли, менее всего думавший в этот момент о Ливингстоне, затерявшемся где-то в глубине Центральной Африки, мог ответить только:

— Право, сэр, не знаю.

— Жив он, как вы думаете? — продолжал Беннет.

— Может быть, жив, а может быть, и нет, — отвечал Стэнли.

— А я так думаю, что он жив и что его можно разыскать, и я прошу вас это сделать.

— Как, я должен ехать в Центральную Африку и там разыскивать Ливингстона в неведомых странах? Вы это имеете в

виду?

— Да, я поручаю вам отыскать Ливингстона, где бы он ни был, и собрать о нем всевозможные сведения. Как знать, — продолжал Беннет, — быть может, старик нуждается в самом необходимом: поэтому вы захватите с собой все, что может ему понадобиться. Вы можете действовать совершенно по своему усмотрению. Делайте что хотите — только отыщите Ливингстона.

— Но подумали ли вы о громадных расходах, которых потребует эта небольшая поездка? — спросил Стэнли, пораженный холодным и спокойным тоном, с которым Беннет посылал его ехать в глубь неизведанной Африки и отыскивать на многих миллионах квадратных миль человека, которого он вместе со всеми считал тогда умершим.

— А сколько может стоить подобная экспедиция? — спросил в ответ Беннет.

— Путешествие Буртона и Спика в Центральную Африку стоило от трех до пяти тысяч фунтов стерлингов; я полагаю, что моя поездка обойдется не менее двух с половиной тысяч фунтов стерлингов.

— Ну, так вы возьмете тысячу фунтов теперь; издержав ее, получите новую тысячу, потом еще тысячу, еще тысячу и так далее, но отыщете непременно Ливингстона.

— В таком случае я не говорю ни слова. Отправиться мне прямо сейчас в Африку за Ливингстоном?

— Нет, отправьтесь сначала на открытие Суэцкого канала; затем поднимитесь вверх по Нилу. Я слышал, что Беккер собирается посетить верхний Египет. Соберите сведения об его экспедиции и опишите все, что встретите на пути интересного. Потом составьте путеводитель по нижнему Египту, поместив в нем описание всего заслуживающего внимания. Затем вы можете посетить Иерусалим: я слышал, что капитан Уоррен сделал там несколько интересных открытий. Потом вы завернете в Константинополь, где соберете сведения о столкновении, возникшем между хедивом и султаном. Далее вы поедете в Крым, где осмотрите старые поля битв. Затем вы направитесь через Кавказ к Каспийскому морю. Я слышал про русскую экспедицию в Хиву. Оттуда вы проедете через Персию в Индию. На пути в Индию вам нетрудно будет завернуть в Багдад и написать оттуда что-нибудь о Евфратской железной дороге. Из Индии вы можете отправляться за Ливингстоном. Вот и все. Покойной ночи, сэр.

— Покойной ночи, сэр.

Адольф Бюрдо, автор «Приключений Стэнли», говорит по поводу свидания Стэнли с Беннетом и составленной последним программы путешествия для первого: «Все это похоже на роман».

А между тем этот роман осуществился с буквальной точностью.

Прежде чем отправиться в трудное и опасное путешествие, Стэнли захотел снова повидаться с матерью. Как знать, может быть, он не вернется из этого предприятия. Но ехать к матери он не имел времени, так как скоро нужно было отправляться по маршруту, начертанному Беннетом, и Стэнли едва хватало времени заготовить все необходимое к пути. Тогда он телеграфировал матери, чтобы она приехала к нему в Париж. Для простой деревенской женщины путешествие за границу являлось делом нешуточным, но она так любила своего Джона, что немедленно же отправилась на его зов. Мать и сын провели вместе несколько дней. На вопрос матери о предстоящем путешествии Стэнли отвечал: «Я начинаю предприятие, которое, если удастся, удивит мир и принесет честь имени вашего сына». Распростившись с матерью и отправив ее в Англию, Стэнли двинулся в длинный и продолжительный путь.

«Я был в Египте, — пишет Стэнли в книге „Как я отыскал Ливингстона“, перечисляя кратко свои путешествия до отправления в Центральную Африку, — и видел в Филэ господина Гиггенботама, главного инженера в экспедиции Беккера. Я беседовал с капитаном Уорреном в Иерусалиме и осматривал заметки, сделанные тирскими рабочими на камнях фундамента Соломонова храма. Я осматривал в Крыму поля сражений со знаменитой книгой Кинглека в руке. В Одессе я обедал с вдовой генерала Липранди. Я видел арабского путешественника Пальгрева в Требизонде и барона Николаи, гражданского губернатора на Кавказе, в Тифлисе. Я жил с русским послом в Тегеране. Следуя примеру многих знаменитых людей, я написал свое имя на одном из памятников Персеполя. В августе 1870 года я прибыл в Индию. 12 октября я отплыл из Бомбея в Маврикий. Так как не было случая отправиться отсюда прямо в Занзибар, то я уехал на Сешельские острова. Три или четыре дня спустя по прибытии на Маге, один из островов Сешельской группы, я мог попасть на борт американского китоловного судна, отправлявшегося в Занзибар, куда мы прибыли 6 января 1871 года».

Стэнли в это время шел тридцатый год. Теперь начиналась для него жизнь, полная изумительных приключений, первоклассных путешествий и открытий, жизнь, для которой вся его предыдущая судьба, полная столь замечательных событий, служила только прологом, подготовительной школой.

ГЛАВА II
В ПОИСКАХ ЛИВИНГСТОНА

Когда Гордон Беннет-младший предложил Стэнли отправиться в Центральную Африку на поиски Ливингстона, это было совершенной неожиданностью для нашего репортера-путешественника. Но его ум немедленно освоился с новой идеей. И надо сказать, что трудно представить себе предприятие, которое так согласовалось бы с наклонностями, характером и симпатиями Стэнли, как то дело, которое предложил ему Беннет. Помимо страсти к путешествиям, которых требовала подвижная натура Стэнли, на данное дело его толкали и те чувства благоговения к Ливингстону и опасения за его судьбу, которые Стэнли разделял в то время со значительной частью цивилизованного мира. Участь Ливингстона в то время так же беспокоила всех, как в свое время предметом общего участия был знаменитый Франклин, погибший в полярных льдах, и как для розысков и спасения последнего предпринимался ряд смелых экспедиций, так и для розысков Ливингстона было отправлено несколько экспедиций, не приведших, однако, ни к какому результату. Стэнли, будучи сам путешественником, питал особенное уважение к Ливингстону, самому смелому исследователю Африки, и потому поручение найти Ливингстона и оказать ему помощь было совершенно по душе смелому репортеру.

Но кто такой Ливингстон и почему судьба его так беспокоила цивилизованный мир?

Ливингстон начал свою карьеру миссионером и в качестве такового отправился в глубь Африки. Но его подвижная натура не могла довольствоваться пребыванием на какой-либо одной миссионерской станции, и он начал путешествовать по неизведанным странам Африки — сперва со своей семьей, а затем, отправив ее в Европу, один. Путешествовать Ливингстон начал в 1841 году, и с тех пор он исколесил значительную часть внутренней Африки, до него бывшую совсем неизвестной или известной только по слухам. Всего Ливингстоном было предпринято три многолетних путешествия. Он прошел по Замбези почти до ее истоков и исследовал многие области, лежащие между этой рекой и страной Великих Озер. В последний раз Ливингстон отправился из Занзибара в 1866 году, направляясь по реке Рувуме внутрь страны, и затем в течение нескольких лет от него не было никаких известий. Но зато до

цивилизованного мира доходили тревожные слухи, приносимые из глубины Африки арабскими караванами. Наконец на побережье Индийского океана стали появляться люди Ливингстона из числа жителей Занзибара, которых он нанял для сопровождения своей экспедиции. По рассказам этих людей, Ливингстон был схвачен одним из туземных владетелей, который держит его в плену; прибывшие более поздно уверяли, напротив, что он умер. То же утверждал и начальник его каравана, также явившийся в Занзибар. В то время, когда Беннет предлагал Стэнли ехать в Центральную Африку, общее убеждение было таково, что Ливингстон умер. Беннет, как мы видели, не разделял этого убеждения, и его уверенность в том, что Ливингстон жив, возбудила и в Стэнли надежду, что ему удастся найти Ливингстона и оказать ему помощь. Надежда эта скоро сделалась положительной, так как в промежуток между свиданием Стэнли и Беннета в Париже и приездом первого в Занзибар от Ливингстона были получены письма. Из них было видно, что знаменитый путешественник был покинут большинством своих людей, которые для оправдания себя и выдумали басни о плене и смерти Ливингстона. Во всяком случае, положение Ливингстона было отчаянным. Оставленный большинством своих людей и истративший почти все свои запасы, он находился в совершенно беспомощном положении, и приходится удивляться, как, несмотря на все это, он ухитрился сделать ряд географических открытий вокруг двух из самых больших озер Центральной Африки — Ньяса и Танганьика. Необходимо было послать смелому путешественнику помощь, и к этому принимались меры. В то самое время, когда Стэнли прибыл в Занзибар, отсюда только что отправился снаряженный на средства английского правительства караван, который повез необходимые припасы Ливингстону. Выход этой экспедиции не поколебал намерения Стэнли добраться до Ливингстона, и это было счастьем для последнего, так как без помощи Стэнли караван, отправленный английским правительством, никогда не достиг бы цели.

Прибыв в Занзибар, Стэнли немедленно принялся за приготовления к своему продолжительному путешествию. Особенности путешествия по Африке делают эти приготовления очень сложными. Прежде всего необходим вооруженный конвой для защиты от нападений придорожных разбойников, караулящих все караванные пути и нападающих на слабых путников. Кроме того, делом разбоя и грабежа не брезгуют и многие туземные владетели, по землям которых приходится проходить путешественникам. Наконец конвой необходим еще и ввиду того, что во внутренней Африке постоянно идут войны, и

путешественник рискует всегда попасть между двух огней. Вопрос о конвое был скоро разрешен благодаря тому, что Стэнли удалось завербовать на службу к себе за приличное вознаграждение шестерых бывших спутников знаменитого путешественника Спика, которые собрали еще 18 человек из своих соотечественников, прибрежных африканцев, несколько оцивилизованных сношениями с торговцами всего мира, бывающими в Занзибаре.

За наймом конвоя следовало приобретение вещей, необходимых для путешествия. Путешественник, отправляющийся в глубь Африки, должен запасаться всевозможными вещами, так как рассчитывать найти что-либо внутри страны совершенно невозможно. Прежде всего необходимо взять запас съестных припасов чай, сахар, кофе, всякие консервы, спиртные напитки, которые в путешествии обретают значение лекарств. Еще более необходимы лекарства — ввиду того, что во многих местностях Африки свирепствуют всевозможные эндемические болезни. Особенно часто встречаются убийственные африканские лихорадки. Далее нужно оружие — холодное и огнестрельное, пули, порох. Необходим значительный запас белья и одежды. Далее следуют кухонные принадлежности — котлы, сковороды, ножи, затем топоры, веревки, смола и так далее. Нужно взять также различные вещи для подарков туземным владетелям. Чтобы все это не попортилось в пути, необходимо все запаковать в ящики и тюки, а для предохранения тюков от тропических дождей и для спасения путешественников от лихорадочных испарений обязательно запастись палатками. Кроме того, чтобы иметь возможность двигаться по рекам и озерам, которые должны были встретиться на пути, Стэнли решил взять с собою две большие лодки, разобранные на части.

Но это было еще не все. Главную часть груза, который приходилось брать Стэнли, составляли не перечисленные вещи, а нечто совсем другое. Дело в том, что во внутренней Африке употребляется до сих пор самая удивительная монета. Таковою служат разные материи, бусы и медная проволока. Бусы играют роль медной монеты, материи — серебра, а медная проволока в странах за Танганьикой принимается за золото. Таким образом, чтобы иметь возможность приобретать внутри страны съестные припасы и вообще все, что нужно и можно покупать, необходимо брать с собою массу вышеупомянутых предметов, в особенности материй и бус. При этом надо иметь в виду, что каждое племя считает ценными только известные виды материй и бус. Одно племя берет лишь белые бусы, а все другие отвергает, другое

предпочитает черные, третье — красные, четвертое ценит только овальные. Так как нет никакой возможности определить, сколько времени каравану путешественника придется пробыть на территории того или другого племени, да и самые племена эти в эпоху первого путешествия Стэнли не были в большинстве известны, то приходилось брать все сорта вышеупомянутых заменителей монеты и притом в возможно большем количестве, так как недостаток того товара, который может потребоваться в том или другом определенном случае, может поставить экспедицию в самое критическое положение, лишив ее возможности приобретать себе съестные припасы.

Таким образом, если бы Стэнли даже не взял с собой никого, кроме конвоя, то и тогда ему был бы необходим громадный запас всевозможных вещей — багаж, совершенно немыслимый для путешественников по другим частям света. Но дело еще более усложнялось благодаря одному совсем особенному обстоятельству. Дело в том, что по всей Центральной Африке — от Занзибара до устья Конго — совсем нет домашнего рабочего скота, так как ни быки, ни лошади, ни ослы не выдерживают ядовитого укуса мухи цеце и ее родственниц, крайне распространенных здесь. Таким образом, путешественник здесь не может рассчитывать нанять или купить по дороге рабочий скот. Если же он возьмет этот скот с собой, то последний погибнет вскоре от смертоносной цеце. К тому же и трудности пути в стране, остающейся в том самом первобытном виде, в каком ее создал Господь, неминуемо истребляют вводимых в страну животных. Стэнли попробовал взять с собою двух лошадей и около трех десятков ослов для перевозки части своего багажа; но все они попадали в начале пути. Таким образом, для транспортировки багажа приходится прибегать к единственному орудию передвижения кладей в Центральной Африке — носильщикам. Какие неудобства создает это обстоятельство, ясно видно из того, что носильщик может нести тюк не более 70 фунтов весу, и, таким образом, для переноски багажа требуется громадное число носильщиков. Вместе с тем присоединение большого числа носильщиков к каравану требует, в свою очередь, увеличения всяких запасов и тех товаров, которые играют роль денег; а это, в свою очередь, требует увеличения числа носильщиков. В конце концов караван превращается в маленькую армию. Экспедиция Стэнли в ее начале состояла почти из двухсот человек, да и такое число получилось только благодаря тому, что в начале пути немало груза везлось на ослах. Весь багаж экспедиции весил до 360 пудов.

Само собою разумеется, что наблюдать одному за всею

массою людей и товаров не было никакой возможности, и Стэнли взял в помощники себе двух европейцев из оставшихся без дела моряков, которых он нашел в Занзибаре. Выбирать было не из кого, приходилось брать что есть. Впоследствии Стэнли пришлось немало погоревать с этими помощниками.

Явившись в Занзибар, Стэнли имел весьма недостаточные сведения относительно страны, куда ему приходилось вступить, и условий путешествия в ней. Некоторые сведения об этом предмете тогда можно было найти только в описаниях путешествия Спика и Ливингстона, но сведения эти были крайне недостаточны. Вместо того, чтобы, подобно многим путешественникам, положиться на одну собственную находчивость, Стэнли старался получить указания от всех, кто только мог их дать. Однако европейцы, жившие в Занзибаре, к которым он обратился за помощью, не могли сообщить ему почти ничего. Тогда он постарался сойтись с арабскими купцами, которые со своими караванами бороздят всю Центральную Африку. От этих сведущих людей он получил множество ценных указаний, давших ему возможность более или менее сносно устроить экспедицию. Тем не менее, отсутствие личного опыта сказывалось на каждом шагу. Впоследствии, при следующих экспедициях, Стэнли имел возможность осмотрительнее совершить все приготовления к пути, сделать все нужные запасы и набрать более подходящий состав каравана. Теперь же ему много раз пришлось страдать от неудовлетворительного выбора людей, равно как и от недостатка многих вещей.

Значительное облегчение взятой на себя задачи Стэнли принесло отсутствие в нем того пренебрежения к туземцам, какое обнаруживает большинство путешественников по Африке, в особенности англичане. В этом отношении любопытны следующие слова, написанные Стэнли в книге «Как я отыскал Ливингстона»: «Для европейца, приехавшего в Африку, весьма интересно пройтись по негритянским кварталам Занзибара — Ваниамвези и Вазавагили. Здесь он поймет, что негры такие же люди, как и он сам, хотя и другого цвета кожи; что они имеют свойственные каждому человеку страсти и предрассудки, симпатии и антипатии, вкусы и чувства. Чем скорее он помирится с этим фактом, тем легче ему будет путешествовать между различными племенами внутренней Африки. Я прожил некоторое время между неграми наших южных штатов и встречал между ними людей, дружбою с которыми мог только гордиться. Таким образом, я привык ценить негров по их внутренним качествам, как и всех моих ближних, а не по цвету кожи и племени».

Такое отношение к туземцам Стэнли проявлял и на деле. К

своим чернокожим спутникам из носильщиков и солдат своего конвоя он относился так же внимательно, как и к европейским спутникам, и, наоборот, требовал от последних такого же выполнения своих обязанностей, как и от первых. Заботливость Стэнли о своих носильщиках и конвойных поражала туземцев. Он не только не жалел средств для того, чтобы его люди имели всегда достаточное количество пищи и всего необходимого, не только платил им щедро и давал ценные подарки, но проявлял свою внимательность и более существенным образом. Когда заболевали его люди, что было при африканских условиях очень нередко, Стэнли превращался во врача и сиделку и останавливал на несколько дней караван, чтобы дать возможность оправиться больным. Если караван невозможно было остановить, он устраивал больных у каких-либо мирных туземцев, оставляя с ними достаточно средств для пропитания в течение болезни и возвращения к каравану или домой, а также кого-либо из здоровых членов экспедиции для ухода за больными. Все это было ново для африканских туземцев, привыкших получать жалкие гроши в арабских караванах, хозяева которых кормили их крайне плохо, обращались как с животными и в случае болезни спокойно бросали на произвол судьбы где-нибудь в лесу. Такое человечное отношение к спутникам-туземцам являлось одной из главных причин успеха Стэнли, так как привязывало этих спутников к нему и делало его дело как бы их собственным делом, благодаря чему и оказывалось возможным преодолевать такие трудности, которые при иных условиях были бы непобедимыми. Даже в первое путешествие, когда спутником Стэнли оказался всевозможный сброд, ему в конце концов удалось расположить их к себе.

Через месяц по приезде в Занзибар экспедиция была организована. Найдены европейские спутники, собран штат специалистов — поваров, портных, охотников; навербован конвой; закуплено все необходимое. Экспедиция поместилась на лодки, чтобы переправиться с острова, на котором стоит город Занзибар, на африканский континент. Тут случилось событие, показавшее Стэнли, насколько он может рассчитывать на своих европейских спутников. Когда нужно было уже отправляться, оба европейца пропали. После нескольких часов поисков их нашли в кабаке пьяными, они отказывались ехать. Стэнли удалось усовестить их, и они присоединились к экспедиции, но впоследствии Стэнли много раз жалел, что не оставил их в Занзибаре.

На континенте, в прибрежном городе Багамойо, нужно было навербовать более полутораста носильщиков. Это оказалось не

так-то легко, потому что, из-за отсутствия личного опыта в таком деле, Стэнли должен был поручить это дело арабам-комиссионерам. Последние воспользовались неопытностью Стэнли для того, чтобы набрать самый негодный отброс между носильщиками, который соглашался идти за самую ничтожную цену, разницу между которой и ценой, назначенной Стэнли, эти комиссионеры положили в собственный карман. Поэтому Стэнли простоял в Багамойо два с половиною месяца и выступил, имея в своем караване собрание трусов и отчаянных лентяев.

Мы распространились обо всех подробностях приготовления Стэнли к первому путешествию с тем, чтобы уже не возвращаться к этому предмету при описании остальных путешествий. Из сказанного здесь можно видеть, что трудность экспедиции в Африку должно считать не со дня действительного выступления в путь, а с начала приготовлений к нему.

Стэнли разделил свой караван на пять отрядов и, отправив четыре вперед, с последним выступил сам 21 марта 1871 года. Вернулся Стэнли из этого путешествия в Занзибар 7 мая 1872 года, пробыв, таким образом, в пути более 13 месяцев.

Читая описание этого долгого путешествия, в котором Стэнли шел отыскивать человека «где-то в Центральной Африке», удивляешься, как он мог вынести этот бесконечный ряд лишений и страданий. Оба европейских спутника Стэнли погибли; то же случилось со значительной частью туземцев. Сохранение своей жизни Стэнли приписывает железному здоровью и энтузиазму, который его постоянно поддерживал и никогда не позволял впадать в отчаяние.

Богатая, роскошная природа тех стран, по которым проходил Стэнли, при полном отсутствии каких-либо культурных мер со стороны населения, сама служит причиной разнообразных бедствий. Обилие влаги при жарком солнце порождает губительную лихорадку и целый ряд других болезней. Стэнли во время этого путешествия болел лихорадкою двадцать три раза, — а африканская лихорадка ужасна. Страшный озноб, сильная головная боль, невыносимая боль в бедрах и вдоль позвоночника, страшная жажда, затем бессознательное состояние, в течение которого страждущим овладевает самый мучительный кошмар — таковы симптомы африканской лихорадки. Человек после нее чувствует себя совершенно разбитым и ни к чему не способным. Кроме лихорадки, экспедицию преследовало множество других болезней. Случалось, что почти весь караван болел одновременно. У одних была лихорадка, другие мучились в горячке, третьи страдали от припадков ревматизма, у четвертых появлялся кровавый понос и так далее. Всем лагерем овладевало

отчаяние, и только один Стэнли не падал духом, ходил от одного больного к другому, лечил их и воодушевлял немногих здоровых исполнять свои обязанности.

Трудности самого пути были источником бесчисленных страданий. В дождливый период, когда в течение сорока дней непрерывно идет тропический дождь, реки и ручьи превращаются в непроходимые массы воды, и так как здесь, конечно, о мостах никто не заботится, то для беспрепятственного движения вперед необходимо было постоянно строить мосты, иногда по два, по три в сутки, и уже по ним переходить воду. Дороги, и без того первобытные, превращались в потоки грязи. Долины делались болотами, по которым приходилось идти на протяжении нескольких миль по пояс в грязи. Часто дорогу пересекали леса и кустарники. А что такое африканские кустарники, через которые надо было прокладывать себе дорогу, можно судить по следующему отрывку из описания Стэнли: «Было очень нелегко пробираться через африканский кустарник, рвавший платье и царапавший кожу. Кончилось тем, что, зацепившись за одну из колючек, я совершенно разодрал сапог, а затем уже, продолжая ступать по этой тернистой почве, стал подвергаться уколам на каждом шагу. Алойное колючее растение сделало огромную дыру и на другом голенище, я снова зацепился за иглистый вьюнок и во весь рост упал на тернистое ложе. На четвереньках, подобно собаке-ищейке, я продолжал пробираться; солнечный жар увеличивался с каждой минутой; с каждым шагом одежда моя принимала все более и более жалкий вид, а на теле появлялись все новые и новые раны. Ко всем этим несчастьям, растение со страшно острым и едким запахом ударяло меня по лицу и оставляло болезненные ожоги, сходные с ожогами кайенны; скученность кустарников делала атмосферу необыкновенно жаркой и душной; обильный пот, выступавший из каждой поры, вскоре совершенно смочил мои лохмотья, и я стал походить на человека, побывавшего под сильным дождем». Можно представить себе всю трудность пути, когда при таких условиях приходилось идти целыми неделями и при этом нести довольно значительную тяжесть — пуда в полтора-два. Одним из величайших неудобств путешествия являлось обилие насекомых. Лишь только усталые путники разбивали лагерь и располагались отдохнуть, как они в ужасе вскакивали от множества уховерток, тысячами облеплявших платье, волосы, лицо. «Саранча, вши и блохи — ничто в сравнении с этими проклятыми уховертками, — говорит Стэнли. — Можно сойти с ума даже при одной мысли о них». Другим докучливым насекомым являлись белые муравьи, производившие ужасные опустошения в вещах. «Циновки, сукно,

мешки, платье, одним словом, все мои вещи, — пишет Стэнли, — казалось, готовы были рассыпаться, и, зная прожорливость муравьев, я боялся, чтобы они не съели и моей палатки во время моего сна». Картину дополняли массы москитов и ядовитых ос и пчел, от которых не было никакого спасения.

К тягостям пути присоединялись еще всякого рода препятствия, причиняемые туземными владетелями, которых здесь так много, что почти в каждой деревне оказывался свой султан. Господа эти требовали подарков за проход по их территории и были так неумеренны в своих требованиях, что с ними до упаду приходилось торговаться, так как иначе они обобрали бы путешественника догола. Отказывать же в подарках было невозможно, потому что сильные из них могли просто ограбить весь караван, а слабые — причинить массу неприятностей, запретив своим подданным продавать каравану съестные припасы, что некоторые из них и делали в случае нежелания Стэнли удовлетворять их слишком большие требования. Раз Стэнли наотрез отказался дать подарок султанше, которая однажды уже получила таковой. Султанша эта имела в своем распоряжении целый город с пятью тысячами жителей и, понятно, могла причинить немало бед каравану. Она и начала враждебные действия, захватив несколько человек из каравана и вещи, которые они несли. Дело кончилось счастливо, — благодаря тому, что проезжавший в это время арабский караван напугал султаншу рассказами о необыкновенной силе скорострелок Стэнли, при помощи которых он будто бы мог разрушить весь город.

Сверх всего этого Стэнли должен был постоянно опасаться нападения разбойничьих шаек, которых так много в Центральной Африке из-за постоянных войн и разорения целых областей. Здесь встречаются даже целые разбойничьи монархии, и каждый местный владетель чаще начинал свою карьеру именно разбоем. Стэнли постоянно приходилось натыкаться на военные действия, а раз, как увидим ниже, ему даже пришлось принять формальное участие в войне, чтобы проложить себе дорогу.

Все эти неудобства пути были бы менее тяжелы, если бы караван представлял собой одно целое. Но дело-то в том, что цель путешествия была понятна одному Стэнли, она одного его побуждала во что бы то ни стало идти вперед и давала ему силы. Для остальных отыскание затерявшегося где-то путешественника было только опасным чудачеством; они были привлечены материальными мотивами и нимало не были расположены ни подвергать свою жизнь опасности, ни изнурять себя непосильной работой. Носильщики оказались сбродом лентяев, которые

постоянно жаловались, просили дневок, брались за дело только после целого ряда принуждений, при всяком удобном случае бежали из каравана, хотя в чужой стране это означало для них почти верную смерть, и ко всему этому отличались наклонностью к воровству. Конвой состоял из людей до того трусливых, что они первые бежали при опасности, но зато были хвастливы до крайности, задорны и являлись зачинщиками при неповиновении главе каравана. Еще хуже вели себя европейцы. Они никак не предполагали, что путешествие окажется таким трудным, были всегда недовольны и, вместо того, чтобы исполнять свои обязанности, постоянно препирались со Стэнли. Стэнли думал найти в них помощников по наблюдению за огромным караваном, но они сами сделались источником хлопот для него. Ничего не делая, они требовали себе всяческих услуг от туземных членов каравана и обращались с последними так жестоко, что Стэнли должен был постоянно останавливать их. Один из белых спутников Стэнли был поставлен начальником одного из отрядов каравана и в качестве такового растратил вверенный ему товар, служивший разменной монетой, чем поставил в стесненное положение свой отряд. Вскоре он погиб, заболев «слоновой болезнью». Другой спутник, после ссоры со Стэнли, покусился на его жизнь, выстрелив в него из ружья. К счастью, пуля пролетела мимо, и Стзнли великодушно притворился, что верит объяснению, будто выстрел был сделан бессознательно, во сне. Этот белый в половине пути наотрез отказался идти дальше и остался в одном арабском поселении, чтобы обождать возвращения экспедиции. Здесь он, однако, заболел горячкой и умер.

При таких-то условиях караван совершил в течение трех месяцев первую половину своего пути. Единственным светлым лучом для Стэнли за все это время была встреча с арабским купцом, возвращавшимся из глубины Африки и сообщившим Стэнли, что он видел Ливингстона в Уджиджи на берегу Танганьики. Стэнли таким образом освобождался от необходимости бродить по Центральной Африке, разыскивая следы Ливингстона. Он теперь знал, куда идти, и если бы даже Ливингстон покинул Уджиджи ранее чем туда придет Стэнли, то можно было идти по свежим следам знаменитого путешественника.

В двадцатых числах июня караван Стэнли вступил в Унианиембэ. Это центральная область громадной страны, лежащей между великими озерами Виктория и Танганьика и восточным побережьем Африки. Она разделяется на целый ряд областей, в сущности совершенно независимых, но, по преданию,

считающихся принадлежащими султану Унианиембэ. Последняя важна в особенности в том отношении, что здесь находятся два важных поселения арабов, являющихся первым важным торговым пунктом на пути от берега внутрь Африки. Так как арабы играли большую роль в путешествиях Стэнли, то здесь будет уместно сказать несколько слов об их значении для Центральной Африки вообще.

Роль арабов в Африке громадна. Как известно, они мусульманизировали всю Северную Африку, причем влияние их — расовое, религиозное и культурное простирается далеко в глубь Африки и с каждым годом расширяется. Уже на наших глазах арабскому влиянию подпала вся область, лежащая на верхнем Ниле вплоть до озера Виктория. Подобный же процесс происходит и в Центральной Африке. Здесь арабы появились позже, чем в Северной Африке; притом это были арабы иного рода. Северную Африку наводнили кочевники Йемена, явившиеся сюда под влиянием проповеди о покорении всего мира мусульманству. В Центральную Африку явились арабские купцы из Омана, преследовавшие торговые цели. Они начали покорение Занзибара, затем подчинили себе Занзибарское побережье и отсюда стали предпринимать экспедиции внутрь Африки, имевшие полувоенный и полуторговый характер. Арабов Центральной Африки немного: их насчитывают не более десяти тысяч семейств. Но они в культурном отношении стоят высоко над туземцами и потому играют здесь огромную роль. Это — богатые люди, владеющие обширными поместьями на острове Занзибар, в прибрежной части материка и во многих местах внутренней Африки. Они владеют множеством рабов, имеют обширные плантации, ведут огромную торговлю, живут по-княжески и, считаясь в подданстве у занзибарского султана, в сущности являются независимыми князьями. Внутри страны они образовали ряд станций, состоящих из нескольких арабских домов, которые по своей величине и толщине глиняных стен представляют настоящие крепости и обыкновенно бывают окружены сотнями хижин для слуг и рабов. В Унианиембэ находятся две такие арабские станции, стоящие одна возле другой Табора и Квихара. Уджиджи, куда направлялся Стэнли за Ливингстоном, было также арабской станцией, разросшейся в важный город внутренней Африки. Торговая роль арабов в высшей степени важна, так как единственно благодаря им внутренняя Африка имеет возможность сбывать свои продукты и получать продукты цивилизации — ткани, железные изделия, оружие и прочее. Но вместе с тем арабы оказываются страшнейшей язвой Центральной Африки, — потому что

важнейшими предметами, которые они вывозят из Центральной Африки, являются слоновая кость и рабы. Охваченные жаждою наживы арабы, чтобы добыть больше слоновой кости, без церемонии отнимают ее у туземного населения, сжигая при этом селения и убивая жителей. Еще убийственнее торговля рабами. Арабы просто предпринимают охоту на людей, разоряя и лишая населения целые страны. Так как оба главных предмета арабского вывоза становится все труднее добывать в областях, лежащих ближе к морю, — слоновую кость из-за ухода отсюда слонов, а рабов — вследствие того, что туземцы, получив огнестрельное оружие, дают теперь отпор арабским разбойникам, — то арабы с каждым годом проникают все далее и далее внутрь Африки. В середине шестидесятых годов они не проникали далее озера Танганьика, а в конце восьмидесятых Стэнли встретил их далеко на западе, по берегам Арувими, притока Конго, и в верхнем течении самого Конго. Конечно, далеко не все арабы занимаются таким разбойничьим ремеслом; есть между ними благородные люди, ведущие правильную и честную торговлю, которая сама достаточно выгодна здесь, чтобы обогатить каждого занимающегося ею. В новейшее время многие из работорговцев убедились в невозможности продолжать свой промысел при новых условиях, созданных появлением в Центральной Африке европейцев, и перешли к правильной торговле и обработке своих плантаций. Против упорных же работорговцев в настоящее время принимаются серьезные меры в Занзибаре, который недавно еще являлся главным пунктом работорговли. Меры эти явились, главным образом, под влиянием открытого Стэнли чудовищного способа, которым арабы получали свой живой товар. Однако еще до сих пор это зло сильно, и многие арабы по-прежнему охотятся на людей, опустошают целые области.

В Унианиембэ Стэнли был с почетом встречен имевшими здесь свою резиденцию арабами. В его распоряжение был отдан один из домов-крепостей, где он и поместился со своими товарами и слугами. Все члены каравана получили щедрые подарки. Здесь же Стэнли нашел караван, отправленный на помощь Ливингстону английским правительством. Караван этот не двигался вперед, потому что дорога в Уджиджи была загорожена новым африканским завоевателем Мирамбо. В Африке постоянно являются своего рода Наполеоны, которые из ничего — из беглых рабов, пастухов или разбойников — превращаются в основателей обширных и могущественных империй, редко переживающих смерть своих основателей. Мирамбо, бывший незадолго до прихода Стэнли атаманом разбойничьей шайки, теперь стоял на пути к основанию большого

государства, а позднее действительно стал во главе могущественной империи. Это был кровожадный, хотя умный и способный негр. Возвеличение его ознаменовалось страшным кровопролитием, жертвами которого пали многие сотни тысяч людей. Вместе с тем он страшно ненавидел арабов и в данный момент, перехватив дорогу в Уджиджи, объявил, что ни один караван не пройдет по этой дороге. Унианиембские арабы, терпевшие громадные убытки от этого прекращения сношений с Уджиджи, а стало быть, и со всеми областями, лежащими далее на запад, решились силою прогнать Мирамбо с дороги. Стэнли, только что оправившийся от болезни, которая продержала его целую неделю в постели, решил присоединиться к арабам в надежде посодействовать скорейшему очищению дороги в Уджиджи. Гордые арабы пренебрежительно смотрели на негра Мирамбо и надеялись легко с ним управиться. Действительно, их двухтысячная армия сначала имела успех, но когда пришлось столкнуться с главными силами Мирамбо, невольники арабов, а за ними и сами их господа бежали с поля сражения. Стэнли в это время снова стал жертвой лихорадки и находился в почти бессознательном состоянии. Арабы, убегая, совсем забыли о своем больном союзнике и бросили его на произвол судьбы. Так же поступили и люди Стэнли, принимавшие участие в сражении и потерявшие несколько человек. Только один юноша-араб, вывезенный Стэнли из Иерусалима, позаботился о своем господине, посадил его на последнего остававшегося у Стэнли осла и привез в Унианиембэ. После этого происшествия Мирамбо двинулся на арабское поселение Табора, разрушил несколько домов-крепостей и убил нескольких юношей-арабов, которые смело вышли против него в сопровождении рабов, немедленно покинувших их, как только началось сражение. Табора отстоит всего на час пути от Квихары, в которой поселился Стэнли, и последний ожидал нападения Мирамбо также и на свой дом, но Мирамбо был отвлечен новым неприятелем в лице султана Унианиембэ.

После всех этих происшествий Стэнли решился проникнуть в Уджиджи, обойдя Мирамбо далеко с юга. Однако ему пришлось пробыть в Унианиембэ три месяца, так как его удерживали то собственная болезнь, то болезнь его спутников, то, наконец, отказ последних. Дорога, которую выбрал Стэнли, была совершенно новой и никому не известной. Не только слуги Стэнли, но и смелые арабы-купцы не сомневались, что идти по этой дороге значило идти на верную смерть. К тому же сам Стэнли был так изнурен лишениями и болезнями, что выглядел настоящим мертвецом. Все советовали отдохнуть и возвратиться назад в

Занзибар, так как до Ливингстона ему не добраться. Однако мысль оставить дело на половине дороги и предоставить Ливингстона всем ужасам нищеты в глубине Африки, лишенного возможности продолжать свои исследования, или вернуться в Европу, была до такой степени невыносима для Стэнли, что он решил добраться до Ливингстона чего бы это ни стоило. Он решил оставить большую часть своего багажа в Унианиембэ, взять только самое необходимое для Ливингстона и запас товара, достаточный для прокорма небольшого отряда до Уджиджи и обратно. Обещанием богатого вознаграждения Стэнли успел склонить к участию в путешествии 50 человек из своего каравана. Когда отряд выступал в путь, Стэнли был так слаб, что едва мог стоять на ногах. Его поддерживала железная воля, и теперь, когда все держалось более чем когда-либо только на нем, он за всю дорогу до Уджиджи ни разу не болел.

Дорога до Уджиджи была полна прежних трудностей с присоединением новых. Самым важным из последних явилось открытое неповиновение Стэнли его спутников. Оказалось, что страна, по которой они проходили, была в то время театром военных действий между двумя могущественными племенами, и маленький караван путешественников каждую минуту мог подвергнуться нападению воюющих сторон, которые, конечно, не посмотрели бы на то, что это караван мирных путешественников, а с особым удовольствием овладели бы оружием незнакомцев. Люди Стэнли были так напуганы, что решительно отказывались идти далее. Наконец в караване вспыхнул настоящий бунт, и двое из членов конвоя направили против Стэнли свои ружья, чтобы застрелить этого безумца, готового погубить их всех вместе с собой. Стэнли был на волосок от смерти. Его спасло собственное мужество, давшее ему силы не растеряться при таких необыкновенных обстоятельствах и отразить нападение одного из взбунтовавшихся, в то время как один из верных слуг вырвал ружье у другого бунтовщика. После этого эпизода отношения между Стэнли и караваном резко изменились. Мужество Стэнли, проявленное им в этой истории, и великодушие, с которым он простил готовившихся убить его, вместо того, чтобы казнить их, как следовало по африканским понятиям, совершенно покорили караван. С этого момента члены его готовы были идти за Стэнли всюду, куда бы он ни повел их. И действительно, с этого времени спутники Стэнли шли за ним беспрекословно. Это значительно облегчило дальнейший путь и дало возможность Стэнли закончить свое путешествие смелым маршем через казавшийся непроходимым лес. В нескольких днях пути от Уджиджи караван вступал в страну, многочисленные владетели которой

запрашивали такую громадную дань за проход по их территории, что если бы Стэнли удовлетворил их требования, он пришел бы в Уджиджи с голыми руками, и вместо помощи Ливингстону принес бы ему обузу в лице 50 человек, которых нужно было кормить. Чтобы этого не случилось, Стэнли решил пройти по лесу, которого избегали даже туземцы, и таким образом миновать жадных владетелей. Лес, по которому он шел, был действительно ужасен. «Какой чудовищный запах и какое неописуемое отвращение производит этот лес! — писал Стэнли в своем дневнике. Он до такой степени густ, что даже тигру не удалось бы проползти через него, и так непроницаем, что слон не мог бы проложить себе дороги! Если бы собрать бутылку концентрированных миазмов, какие мы вдыхаем здесь, то что бы это был за смертельный яд!» По этому-то лесу шла экспедиция несколько суток, день и ночь, измученная, изголодавшаяся. Наконец караван вышел на открытое место и через день был в Уджиджи, где действительно оказался Ливингстон.

Ливингстон в то время, когда к нему явился Стэнли, был в самом отчаянном положении. Несколько месяцев тому назад он вернулся из продолжительного путешествия по странам, лежавшим за Танганьикой. В Уджиджи его должен был ожидать запас товаров, который он потребовал из Занзибара. Но оказалось, что араб, которому было доверено доставить эти товары, придя в Уджиджи, продал их в свою пользу. Ливингстон остался без всяких средств, один в глубине Африки, без возможности вернуться и даже подать о себе весть. Прибытие Стэнли буквально спасало его от гибели. Понятно, как он обрадовался отважному репортеру, не говоря уже о радости видеть европейца после многих лет пребывания среди одних туземцев. Стэнли, в свою очередь, с ума сходил от радости, что ему удалось наконец добраться до Ливингстона, и в такой критический момент для последнего. Оба путешественника самым сердечным образом сошлись друг с другом и проводили долгие часы в беседе. Стэнли сообщал Ливингстону о мировых событиях последних пяти лет, а Ливингстон — о своих путешествиях и открытиях. Здесь-то, в этих беседах со знаменитым путешественником, явилось и созрело у Стэнли решение посвятить себя Африке, исследованиям в ней, насаждению цивилизации и борьбе с рабством. Здесь же определился и тот район, который Стэнли решил избрать для своей будущей деятельности. Страны за Танганьикой до Ливингстона не были никогда посещаемы цивилизованными людьми. Даже арабы проникли туда всего за два, за три года до Ливингстона. Между тем страны эти были в высочайшей степени

интересны. Там оказались богатая природа, густое население и широкое поле для географических исследований. Ливингстон открыл там огромную водную систему, состоявшую из целого ряда озер и рек, которые он принял за истоки Нила, но которые позднее, по изысканиям самого Стэнли в следующее путешествие, оказались истоками Конго. Выдвигался целый ряд географических вопросов, а в голове Стэнли возникали представления о проникновении сюда европейской цивилизации, об образовании здесь государств из туземцев и о спасении последних от язвы рабства и злодейств завоевателей в роде Мирамбо.

От Унианиембэ до Уджиджи Стэнли шел 131 день. В Уджиджи он пробыл с Ливингстоном более двух месяцев. Из этого времени 28 дней были употреблены на поездку по Танганьике к ее северному окончанию, причем наши путешественники решили спорный географический вопрос о реке Рувизи, которая принималась многими за исток Танганьики и начало Нила. В действительности река эта оказалась впадающей в Танганьику, а не вытекающей из нее. 27 декабря 1872 года оба путешественника выступили из Уджиджи в Унианиембэ, чтобы там взять оставленные товары и решить вопрос о дальнейших своих действиях. Трудности пути оставались прежними, но выносить их было неизмеримо легче, так как путешественники теперь не страдали одиночеством, ими руководил соединенный опыт, да и караван их охотнее шел домой, нежели вперед. В Унианиембэ Стэнли сдал Ливингстону все припасы, которые он вез для него, равно как и те, которые были отправлены последнему английским правительством, но не дошли до Уджиджи, застрявши в Унианиембэ. Образовавшийся у Ливингстона запас всего необходимого был так велик, что с ним можно было путешествовать и содержать значительный караван в течение двух лет. Однако воспользоваться всеми этими богатствами в интересах путешествий не было возможности, потому что война, шедшая тогда между Мирамбо, с одной стороны, и арабами и султаном Унианиембэ, с другой, отнимала у туземцев всякое желание сопутствовать Ливингстону. Ввиду этого Стэнли решил идти в Занзибар и, набрав там из местных жителей нужное число носильщиков и конвойных, отправить их к Ливингстону. Делая это, Стэнли приносил весьма чувствительную жертву, так как раньше он намеревался из Унианиембэ отправиться к Виктории навстречу известной экспедиции Сэмюэла Бейкера, поднимавшейся по Нилу вверх к его истокам. Стэнли полагал, отказываясь от этого плана, что он принесет больше пользы, оказав содействие путешествию опытного и прославленного

исследователя, нежели предпринимая самостоятельную экспедицию. Стэнли вообще, хорошо зная себе цену, никогда не страдал самомнением; скромность его равняется его смелости и настойчивости. Лишь только Ливингстон согласился на предложение Стэнли, как последний немедленно стал собираться в дорогу. Ливингстон уговаривал его подождать, чтобы собраться с силами и переждать дождливое время, которое должно было вскоре начаться. Стэнли по опыту знал, что значит путешествовать по Африке в дождливое время года, но он не хотел, чтобы начало путешествия Ливингстона замедлялось долее чем нужно. Он вышел 14 марта из Унианиембэ и с невероятной для Африки быстротой прошел расстояние, отделявшее его от морского берега. Между тем как путь от морского берега до Унианиембэ Стэнли прошел в три месяца, обратный путь он сделал в 35 дней, несмотря на то, что в это время шли такие дожди, которых не помнили тамошние старожилы, и экспедиции приходилось идти целыми сутками по пояс и даже по шею в воде. Когда Стэнли достиг морского берега, он встретил здесь экспедицию, снаряженную для розысков Ливингстона на средства, собранные по подписке среди английской публики. Теперь эта экспедиция оказывалась ненужной.

Стэнли исполнил обещание, данное Ливингстону, и завербовал для него нужное число отборных людей. Теперь он уже знал, какие люди годились для путешествия внутри Африки, и умел выбирать их. Отправив этот караван к Ливингстону, Стэнли наконец мог вернуться в Европу и затем в Америку. Его путешествие от времени выступления внутрь Африки до момента возвращения на морской берег продолжалось тринадцать месяцев. Всего же со времени знаменитого разговора Стэнли с Беннетом прошло два года и восемь месяцев, и все это время Стэнли находился в пути, переезжая с одного места на другое. Стэнли вернулся в Европу страшно изможденным. Худоба его снова приняла феноменальный характер. Он выглядел стариком, хотя ему было всего 32 года. Волосы поседели. Вообще наружность Стэнли так изменилась, что его не узнавали знакомые. Мать, которую он посетил немедленно по приезде в Англию, была страшно поражена жалким видом своего Джона и утешилась, только видя, как быстро он поправлялся от основательной английской кухни.

Подвиг Стэнли — розыск Ливингстона и оказание ему помощи — произвел сильнейшее впечатление во всем цивилизованном мире. Стэнли отныне стал знаменитостью. Беннет, давший средства для его экспедиции, не остался в проигрыше, так как номера «New-York Herald», в которых

печаталось описание путешествия Стэнли, расходились в бесчисленном множестве экземпляров. Общее сочувствие к молодому путешественнику с лихвою вознаградило его за все понесенные лишения. Но в общем хоре похвал и одобрений слышались голоса и иного рода. Нашлись англичане, которым было досадно, что Ливингстона открыл не англичанин, а американец, за которого принимали Стэнли, так как его прошлое не было известно. И вот даже в английском географическом обществе нашлись люди, утверждавшие, что Стэнли — просто шарлатан, Ливингстона никогда не находил, а привезенные им письма знаменитого путешественника и дневник последнего просто подделал. На эти инсинуации Стэнли достойно ответил своими дальнейшими путешествиями, пред которыми совершенно бледнеет то, что было исполнено им для отыскания Ливингстона.

ГЛАВА III
ЧЕРЕЗ АФРИКУ

Недолго отдыхал Стэнли. Окончив книгу, посвященную описанию своего смелого путешествия, «Как я отыскал Ливингстона» (имеется в русском переводе), Стэнли немедленно же отправился корреспондентом в страну ашанти (на Гвинейском берегу Африки), с которыми тогда вели войну англичане, и присутствовал при взятии Кумассии, столицы ашанти. В это время до Стэнли дошли известия о смерти Ливингстона, который со снаряженным Стэнли караваном отправился глубоко внутрь Африки, к верховьям столь занимавшей его реки Луалабы, которую, как мы уже говорили, он принимал за исток Нила, и здесь, под 13° южной широты, скончался на берегу таинственной реки. Стэнли смотрел на себя как на наследника Ливингстона по вопросу о Луалабе, который впоследствии оказался важнейшим географическим вопросом нашего века, и потому решился продолжать исследования великого путешественника. Он вернулся в Англию, написал книгу «Жизнь и путешествия Ливингстона» и стал готовиться к экспедиции, которая должна была решить вопросы об истоках Нила и о том, что за река — величественная Луалаба, имевшая уже в центре Африки вид одной из величайших рек мира: есть ли это верхнее течение Нила, Нигера или Конго, как думали тогда немногие? Экспедиция, которую затевал Стэнли, должна была стоить громадных денег, но теперь ему не трудно было достать необходимые средства. «New York Herald» и «Daily Telegraph» составили синдикат, который и дал средства для экспедиции.

21 сентября 1874 года Стэнли высадился в Занзибаре, а 17 ноября выступил внутрь Африки во главе огромного каравана. На этот раз состав экспедиции был еще более многочисленным, нежели в первое путешествие. Стэнли сопровождали трое европейцев, на этот раз выбранных более осторожно и оказавшихся вполне достойными товарищами великого «землепрохода». Это были два брата Покок и Фридрих Баркер. Караван состоял из 366 человек, в состав которых входили конвойные, носильщики, 36 женщин и шестеро детей. Разумеется, такая многочисленность каравана сама по себе уже служила источником целого ряда затруднений. Одни заботы о еде для такой массы людей чего стоили! Но Стэнли готовил многолетнее путешествие и хотел поставить себя вне зависимости от того, пришлют ли ему вовремя необходимые товары, заменяющие

монету, из Занзибара, или нет, — как это случалось с Ливингстоном, который должен был постоянно прерывать на половине свои исследования за недостатком средств. Приходилось, таким образом, брать массу товаров, а это, в свою очередь, требовало массы носильщиков. Среди груза, взятого Стэнли с собой, нужно отметить большую лодку «Lady Alice», которую несли разобранной на части.

Первоначально Стэнли направил свой путь к громаднейшему озеру Центральной Африки Виктория или Укэреве, чтобы отсюда начать исследования истоков Нила. Сначала дорога шла по тому же пути, которым проходил Стэнли в первое путешествие, и здесь встречались все те же трудности и страдания. Но уже в стране Угого страдания эти увеличились. И в первый раз страна эта показалась Стэнли самой разбойничьей из всех пройденных им. Она делилась на множество мелких владений, из которых каждое требовало пошлины за проход, не разрешая до взноса таковой ни покупать провизии, ни брать воды, ни даже останавливаться лагерем. Требования платы были непомерно громадны. Чтобы не дать окончательно ограбить себя, нужно было вести многочасовые споры. В это время весь караван, измученный дневным переходом, страдал от голода и жажды. Обратиться к силе нечего было и думать, так как жители Угого, несмотря на свою разрозненность, дружно сплачивались при нападении на отдельное село и вся страна вставала на защиту своего права обирать караваны. Стэнли радостно вздохнул, когда наконец выбрался из этой негостеприимной области.

Из Угого Стэнли повернул на север, к озеру Виктория. На этом пути самые тяжелые испытания экспедиции пришлось вынести в стране Итуру. Жители отнеслись враждебно к экспедиции с первого же момента вступления Стэнли в их область, и эта враждебность все увеличивалась по мере дальнейшего пути. Туземцы отказывались давать проводников, не продавали провизии, наконец предательски зарезали двух носильщиков. Стэнли старался до последней возможности сохранять мирные отношения с туземцами, но это оказалось невозможным. Огромные толпы напали на караван и осыпали его стрелами. Стэнли вынужден был пустить в ход оружие. Два дня пришлось биться с храбрыми дикарями почти грудь в грудь. После этого поднялась вся страна и против маленького отряда Стэнли началась настоящая война. Война эта стоила экспедиции 53 человек, и только смелость Стэнли, неожиданно обнаруженные им стратегические таланты да единодушие каравана, готового идти на смерть за своим вождем, дали возможность экспедиции пробиться через неприятельские полчища, сражаясь непрерывно в

течение нескольких дней.

С такими приключениями Стэнли дошел через два с половиной месяца по выступлении из Занзибара до озера Виктория. В составе экспедиции к этому времени недоставало уже более 160 человек, из которых половина дезертировала, а остальные были убиты или умерли от болезней и истощения. Вся экспедиция была страшно измучена; половина людей состояла из больных. Туземный начальник Кагегии, городка на берегу Виктории, принял экспедицию самым радушным образом, и она имела возможность теперь спокойно отдохнуть. Сам Стэнли, однако, не думал об отдыхе. Он приказал спустить на воду свою лодку «Lady Alice» и с одиннадцатью людьми отправился исследовать Викторию.

Плавание по озеру оказалось крайне трудным. Бурное озеро-море готово было каждую минуту поглотить утлое суденышко. Но это было еще самым легким из бедствий. Гораздо больше беспокойств доставляла неприязненность населения. Всякий раз, как только Стэнли высаживался на берег, чтобы запастись провизией или отдохнуть, на него нападали вооруженные дикари, на озере постоянно приходилось сталкиваться с пиратами. Однажды на «Lady Alice» напала целая флотилия пирог, которую удалось отразить только благодаря огнестрельному оружию. В таком положении постоянной тревоги путешественники пробыли три недели. Вдруг все это совершенно исчезло, словно по волшебству. Вместо враждебных лиц, вооруженных воинов и туч стрел наших путников стали встречать радостные лица, дружественные приветствия и самое радушное гостеприимство. Оказалось, что Стэнли попал в королевство Уганда, управляемое могущественным Мтезой.

Мтеза был такой же баловень фортуны, как и Мирамбо, с которым Стэнли вынужден был воевать в первое свое путешествие. Он также из авантюриста сделался основателем и владетелем одного из могущественнейших государств Центральной Африки; только государство, основанное им, несравненно могущественнее царства Мирамбо. В Уганде насчитывают до 5 миллионов жителей. Страна эта лежит на северном и западном берегах Виктории и представляет собой счастливейшую местность Центральной Африки по природным условиям. При обычном для Центральной Африки богатстве даров природы она в то же время лишена многих тяжелых неудобств этой природы и по своим климатическим условиям особенно благоприятна для пребывания европейцев. Под управлением Мтезы страна достигла необыкновенного процветания, и Стэнли был крайне поражен, встретив в глубине

Африки такую богатую область, что называется, полную молока и меда. Прием, устроенный Мтезой Стэнли, по своему великолепию превосходил все, что может представить самая пылкая фантазия. Достаточно сказать, что навстречу Стэнли вышли до четверти миллиона людей. Мтезе чрезвычайно понравился первый увиденный им европеец, и он осыпал его своими милостями. В первый же день для Стэнли и его одиннадцати спутников Мтеза прислал дневное пропитание, состоявшее из 14 быков, 8 коз, ста мер бананов, трех дюжин кур, четырех громадных кувшинов молока, четырех корзин пататов, пятисот початков кукурузы, корзины риса, двухсот яиц и десяти бочек бананового пива. Такой же была щедрость Мтезы по отношению к Стэнли во все время пребывания последнего у его двора. Мтеза расспрашивал Стэнли о всевозможных предметах и был поражен обширными познаниями белого человека. Он показал Стэнли свой гарем, состоявший из нескольких сот женщин, и обещал всяческое содействие его экспедиции. Стэнли просил дать ему лодок, чтобы перевезти в Уганду своих спутников, оставленных в Кагегии. Мтеза послал с ним одного из начальников своего флота, чтобы переправить экспедицию Стэнли. Однако оказалось, что этот подчиненный Мтезы отнюдь не разделяет энтузиазма своего господина к белому и, отплыв от столицы Мтезы подальше, спокойно бросил Стэнли на произвол судьбы, а сам возвратился. Положение Стэнли и его спутников на возвратном пути было ужасно. Лишенным припасов, им приходилось голодать, а между тем высадка на берег грозила смертью от враждебных туземцев. На одном острове Стэнли и его товарищей, высадившихся на берег, окружила громадная толпа туземцев, вытащила из воды их лодку, унесла весла и готова была приступить к убийству самих путешественников. Только хитрость Стэнли, успевшего обманом снова спустить лодку, спасла экспедицию от смерти; но зато спасенные беглецы оказались на озере без съестных припасов и к довершению несчастия без весел. После целого ряда подобных несчастий Стэнли наконец добрался до своего каравана, оставленного в Кагегии. Здесь дело также обстояло далеко не благополучно. Многие из каравана умерли от дизентерии, другие готовы были бежать ввиду трехмесячного отсутствия Стэнли, которого они считали погибшим. В числе умерших был и один из белых спутников Стэнли, Баркер. Один из братьев Покок умер еще ранее, и, таким образом, у Стэнли оставался теперь только один белый товарищ — Франц Покок.

Стэнли стал искать средства перевезти свою экспедицию в Уганду. На это пришлось потратить полтора месяца, пока, наконец благодаря помощи одного из туземных владетелей

Стэнли мог посадить на лодки остаток своего каравана, состоявший всего из полутораста человек — мужчин, женщин и детей. Начало плавания было несчастно. Сильная буря разбросала лодки Стэнли, а затем произошла кровопролитная ссора между его собственными людьми, которую ему едва удалось прекратить. Пришлось вернуться назад. И только еще через полмесяца экспедиция тронулась в Уганду. Стэнли снова испытал массу приключений. На одном из островов экспедиция была бы окончательно перебита туземцами, если бы в последний момент не подоспел на помощь отряд войск, посланных Мтезой, который не поверил в смерть Стэнли, как о том донес ему коварный адмирал. Отряд этот должен был разыскать Стэнли и явился в самую критическую минуту, чтобы спасти экспедицию.

Мтеза снова принял Стэнли и его спутников как самых дорогих друзей. В это время он готовился к войне с одним возмутившимся против него племенем и просил Стэнли сопутствовать ему в походе. Для этой войны Мтеза собрал до 150 тысяч войска, но ничего не мог поделать с бунтовщиками, засевшими на одном из островов и упорно выдерживавшими нападения, пока не построили по совету Стэнли невиданного в Африке судна, приведшего в ужас непокорных и заставившего их подчиниться Мтезе. В благодарность за помощь Мтеза оказал всяческое содействие отправлению Стэнли к озеру Мута-Нциге и дал ему значительный отряд войска для защиты при прохождении через владения Унионро, другого сильного государства Центральной Африки, владетель которого отличался крайней враждебностью к чужеземцам. Благодаря отряду угандцев Стэнли прошел через владения Унионро беспрепятственно, но везде встречал пустые селения, оставленные жителями, не пожелавшими вступать в какие бы то ни было сношения с экспедицией. На озере Мута-Нциге население также встретило экспедицию враждебно. Здесь Стэнли пришлось уже встретиться с ненавистью к белым. Дело в том, что Унионро, а также некоторые другие страны Центральной Африки, лежавшие на его пути, уже граничили с областями, которые в то время покорили и присоединили к Египту сподвижники знаменитого Гордона, в особенности Эмин-паша, губернатор Экваториальной провинции. Стэнли был встречен здесь как враг, и население рыцарски предупредило его, чтоб он приготовился выдержать нападение. Отряд угандцев, сопровождавший Стэнли, был испуган этим объявлением войны и решил отступить. Напрасно Стэнли протестовал против этого решения и грозил начальнику отряда гневом Мтезы. Угандцы на другой же день пошли назад, и Стэнли вынужден был следовать за ними. Выйдя из страны Унионро,

Стэнли отделился от угандцев и пошел к Нил-Александре. Здесь к нему пришло письмо от Мтезы, который страшно возмутился трусостью начальника своего отряда, заключил его в тюрьму и умолял Стэнли вернуться и взять у него хоть целую армию для своих целей. Но Стэнли в это время пользовался уже благоволением другого африканского государя, так что помощь Мтезы ему была не нужна. Нил-Александра, или Кагера, был в то время совершенно неизвестною рекою, и Стэнли решил обследовать его. Здесь лежало негритянское царство Карагуэ, управляемое идеальным африканским государем Руманикой. Это был чрезвычайно добрый человек, который не только встретил Стэнли с полным радушием, но и сам увлекся исследованиями путешественника. Он собирал целые географические конгрессы из сведущих африканцев и вообще оказывал работам Стэнли всяческое содействие. Благодаря помощи Руманики Стэнли мог определить, что Нил-Александра есть самый южный приток озера Виктория, а следовательно, и самый верхний исток Нила.

Решив этот капитальный географический вопрос, Стэнли задумал идти к югу, чтобы докончить начатые покойным Ливингстоном исследования реки Луалабы. По дороге к озеру Танганьика ему пришлось проходить через владения известного уже Мирамбо. Слава Стэнли в Центральной Африке была в это время так велика, что Мирамбо, который имел полную возможность со своей громадной армией, вооруженной ружьями, раздавить экспедицию и тем отомстить Стэнли за его участие в нападении на него, Мирамбо, во время первого путешествия, послал к Стэнли спросить, продолжает ли он питать к нему, Мирамбо, враждебные чувства или желает быть его другом. Понятно, что Стэнли предпочел дружеские отношения, и между путешественником и грозой Центральной Африки был заключен союз крови.

27 мая 1876 года, то есть через полтора года по выступлении из Занзибара, Стэнли снова был в Уджиджи, на берегу озера Танганьика, придя сюда теперь совершенно иным путем, нежели в первое путешествие. Оставив в Уджиджи большую часть своего каравана, Стэнли объехал Танганьику. Озеро это замечательно необыкновенно быстрым поднятием своих вод. Когда Стэнли был в Уджиджи в 1871 году, он видел здесь на базарной площади три пальмы, которые в 1876 году оказались уже в озере, на расстоянии ста футов от берега. И такие же изменения Стэнли нашел повсюду. На своей лодке «Lady Alice» он исследовал значительную часть озера, и теперь оно из совершенно неведомого ранее превратилось в одно из наиболее известных мест Центральной Африки подобно другому громадному водному

пространству той же части Африки — озеру Виктория.

Когда Стэнли вернулся в Уджиджи и намеревался двинуться в страны на запад от озера Танганьика, где лишь по окраине прошел ранее один Ливингстон, его люди решительно отказались следовать за ним. Страна Маниема, лежавшая за Танганьикой, пользовалась дурной репутацией. По слухам, там жили свирепые каннибалы, и люди Стэнли не сомневались, что они неизбежно будут съедены дикарями. После долгих уговоров, настояний и приказаний Стэнли наконец решился на крутую меру. Он силою перевез на западный берег Танганьики 32 наиболее ненадежных из своих спутников, после чего за ним пошли и остальные. Теперь, чем дальше караван уходил от озера, тем меньше Стэнли мог опасаться дезертирства своих людей, так как тот самый страх, который внушали им людоеды, заставлял их теперь крепко держаться каравана.

Край, в который вступил Стэнли, был еще прекраснее и богаче естественными произведениями, нежели страны, пройденные им доселе. Экваториальное солнце и обилие влаги производили чудеса растительности. Повсюду встречалось множество диких животных. Страны имели довольно густое население, жившее земледелием. Культура населения отличалась большим разнообразием. Тут были и людоеды, и дикари, стоявшие на самой низкой ступени развития, и племена, резко отличавшиеся от остальных негров — как внешним видом, напоминавшим белого человека, так и высокой культурой, оставлявшей далеко позади себя культуру всех виденных дотоле Стэнли африканских народов. К сожалению, все эти племена сходились в одном — в ненависти к людям, приплывающим к ним из-за озера Танганьика. Причина этой ненависти была в разбойничьем поведении арабов, которые, как мы уже говорили, проникли в шестидесятых годах в эти страны и совершали здесь всевозможные ужасы ради получения слоновой кости и рабов. Когда сюда явился Стэнли, тут были уже арабские фактории, важнейшей из которых являлась Ниангуэ. Стэнли, путешествовавший с целью географических открытий, совершенно непонятной для туземцев, был крайне подозрителен для последних, предполагавших и в нем нечто вроде негроторговца. Уже в начале пути население относилось к экспедиции крайне боязливо и при первой возможности разбегалось. Далее дело пошло еще хуже, и затем в течение многих месяцев экспедиции пришлось находиться в положении беспрерывно воюющей стороны.

Стэнли направил свой путь по берегу реки Луамы и через некоторое время пришел к месту слияния ее с величайшей из рек

Центральной Африки — Луалабой. Этот поток был бы одной из громаднейших рек, если бы даже имел при устье те размеры, какими он отличался в самом сердце Африки. Как мы уже говорили, он страшно интриговал географов и путешественников. Стэнли решил проследить течение Луалабы и пройти по ней до устья, куда бы она ни привела его. Скоро он пришел в Ниангуз. Здесь он решил нанять конвой у арабов ввиду враждебности туземцев, так как пускаться в неизведанный край с теми ничтожными силами, какими в то время располагал Стэнли, было слишком рискованно. Арабы, однако, были мало расположены идти в совершенно неизвестную им страну, относительно которой к тому же ходили самые тревожные слухи: Стэнли мог остаться без конвоя. Его выручил Гамед бен Могамед, более известный под именем Типпо-Тип. Это едва ли не самый замечательный человек Центральной Африки, и он один мог взяться помогать Стэнли в предприятии, которое всем остальным арабам казалось чистым безумием, неизбежно ведущим к гибели. Типпо-Тип был сыном араба и негритянки. В то время, когда Стэнли встретил его впервые, он был негроторговцем, унаследовав это занятие от отца. Впоследствии, в значительной мере под влиянием Стэнли, Типпо бросил свой гнусный промысел и даже сам боролся с ним. Это был самый храбрый и самый богатый из центральноафриканских купцов-арабов. В деле распространения арабского влияния в глубь Африки он является передовым застрельщиком. Он имеет в целом ряде пунктов Центральной Африки свои фактории, имеющие характер крепостей, и многочисленные плантации. Его караваны бороздят всю Центральную Африку. Популярность Типпо-Типа в сердце Африки громадна, и дружба его здесь значит много. Вот этот-то человек взялся за хорошее вознаграждение помогать Стэнли.

Условия, на которых Стэнли нашел себе товарища, состояли в следующем: Типпо-Тип присоединялся к экспедиции с тремястами конвойных. Сопровождать он будет Стэнли 60 дневных переходов, с тем, чтобы эти переходы заняли не более трех месяцев. За эту услугу он должен получить 5 тысяч долларов. Стэнли согласился на эти условия, и экспедиция выступила в путь.

Вскоре по выступлении из Ниангуэ экспедиция пришла в Митамбу. Так в Центральной Африке называют огромное пространство в 8° долготы и 16° широты, лежащее по обе стороны экватора и представляющее собою сплошной первобытный лес. Лес этот так громаден и густ, что, вступив в него, экспедиция не видела солнца, пока не вышла из чащи. Воздух был настолько сырым, что одежда путников никогда не высыхала. Роса капала с

деревьев как дождь. Каждую минуту приходилось переходить через ручьи. Дышать было тяжело, так как воздух, пропитанный густыми болотными испарениями, не имел ни малейшего движения в этом гигантском погребе, где к тому же царила вечная тьма. Идти было страшно трудно, а тем более что-либо нести. Одежда и обувь разлезались, как гнилье, приходилось идти босиком. Сам лес представлял собой истинное чудо растительности. Это был целый хаос гигантских папоротников, колючих трав, орхидей, тростника, лиан, акаций, тамариндов, дикого винограда, пальм, алоэ, финиковых деревьев и тысячи других растений, достигающих невероятной высоты и переплетающихся самым причудливым образом, создавая на каждом шагу препятствия для прохода. Идти по этому лесу можно было, только прорубая дорогу и беря каждый шаг, таким образом, с бою.

Первое время, когда экспедиция вступила под своды этой темницы, все жили надеждой, что она скоро кончится и тяжелое путешествие прекратится. Но дни шли за днями, а конца лесу все не было. Через две недели экспедиция совершенно обессилела. Типпо-Тип решительно заявил Стэнли, что идти дальше нет никакой возможности и он возвратится, ибо никогда не представлял себе, что путь будет так труден, и теперь вовсе не хочет губить своих людей. А между тем как раз в это время экспедиция, пройдя огромное пространство по сухому пути, вышла на берег реки, которая оказалась продолжением Луалабы и здесь широко разлилась, захватив под свое ложе до 600 саженей в ширину. Не зная, что это за река, Стэнли назвал ее Ливингстон; но затем убедился, что река эта уже имеет географическое название, так как, когда он прошел ее до устья, последнее оказалось известным. Теперь же, стоя на берегу этой великолепной реки, он пришел в отчаянье от отказа Типпо: сделать такое громадное путешествие, продолжавшееся уже два года, перенести такую массу лишений, быть накануне величайших географических открытий — и быть вынужденным возвратиться назад! Нет, он пойдет один, если Типпо-Тип не хочет сопровождать его! Но и собственные люди Стэнли отказывались идти дальше через этот проклятый лес, который чернел по обоим берегам великой реки и конца которого не было видно. Стэнли просил, молил: приводил всевозможные доводы, старался затронуть какую-нибудь струну в душе своих спутников — все напрасно. Да и мудрено было ожидать чего-либо от этих людей, измученных двухлетними странствованиями, потерявших две трети своих товарищей и видевших только одно, — этот странный, непонятный для них человек решил во что бы то ни

стало погубить себя и их в неведомом краю. Тогда Стэнли объявил, что он пойдет один вместе со своим белым братом (Пококом), а они пусть бросят его на гибель. Это подействовало. Из толпы выскочил негр и бросился к ногам Стэнли со словами: «Я не боюсь, господин, и пойду с тобою на смерть!» За первым последовал другой, за ним третий, и скоро энтузиазм овладел всеми. Все решили разделить участь отважного предводителя, и даже хладнокровные, своекорыстные арабы были увлечены общим энтузиазмом и оставили свое намерение вернуться. Так нравственная сила одного человека взяла верх над всеми невзгодами, которые африканская природа щедрой рукою сыпала на пути этого человека.

С этого момента Стэнли не отходил от реки. Он разделил экспедицию на два отряда, из которых один плыл по реке, а другой шел берегом, причем оба отряда останавливались вместе для ночлега. Побережные туземцы везде бежали при появлении экспедиции и не было малейшей возможности вступить с ними в какие бы то ни было сношения. Скоро, однако, беглецы стали собираться громадными толпами и нападать на оба отряда — как на шедший по берегу, так и на плывший по реке. К счастью, у туземцев не было огнестрельного оружия, но и стрелы их причиняли немало вреда экспедиции, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что они часто были отравлены. В первый раз туземцы сделали нападение на четырнадцати больших лодках, выстроившихся в боевую линию перед стоянкой экспедиции. Стэнли пытался вступить в переговоры с нападавшими, но ответом ему был град отравленных стрел. Стэнли велел дать залп из тридцати ружей; неприятель был отброшен, но снова готовился к нападению. Желая окончить бой с возможно меньшим числом жертв для дикарей, Стэнли решил пробить пулями несколько лодок и тем заставить их удалиться. Он сел с несколькими человеками на «Lady Alice» и выехал на середину реки. Дикари подняли радостный крик, воображая, что теперь они победят пришельцев, и на всех лодках окружили Стэнли. Но скоро меткие выстрелы потопили несколько лодок, заставив экипаж их спасаться вплавь, а остальные лодки обратив в бегство.

С этого дня в течение нескольких месяцев экспедиция постоянно терпела от нападений туземцев. Через два дня сухопутный отряд, заблудившийся в лесу, подвергся нападению, от которого он едва спасся, потеряв одного убитым и четверых тяжело ранеными. Еще через два дня многотысячная толпа туземцев напала ночью на лагерь экспедиции. Нападавшие обнаруживали чрезвычайную храбрость и возобновляли яростную

атаку несколько раз. И подобные нападения повторялись каждый день на суше и на воде, а когда неприятель оставлял в покое экспедицию, берега реки оглашались криками: «Поедим мяса солнечных людей! Много мяса будет у нас». Эти свирепые людоеды словно презирали смерть и шли на бой с чудовищным ожесточением. Что ни делал Стэнли для того, чтобы вступить с ними в мирные отношения, все было напрасно. Предложение обмениваться товарами, предложение подарков, уговоры — ничто не действовало. Каждый день приносил новые битвы и каждый день отряд нес новые жертвы. К довершению несчастья, отряд страшно страдал от болезней. Оспа, дизентерия, воспаление легких, тиф и многие другие болезни все уменьшали состав экспедиции. Каждый день приходилось опускать на дно громадной реки по два, по три человека.

Больше месяца шла при таких условиях экспедиция. Наконец Типпо снова заявил Стэнли о невозможности дальше сопровождать его. Стэнли и сам понимал, что Типпо принес для него намного больше жертв, чем можно было требовать даже при самом строгом отношении к заключенному между ними договору, а потому он не настаивал на продолжении конвоирования и уплатил ему всю условленную сумму. Стэнли опасался, что за Типпо уйдут и его собственные люди и он окажется не в состоянии продолжать путешествие. Но весь его караван остался верен своему обещанию идти за ним хоть на конец света. Нужно было, однако, безумное мужество Стэнли, чтобы продолжать дорогу с тем небольшим отрядом, который остался у него, когда ранее экспедиция не раз была на волосок от гибели, несмотря на помощь арабов. Но чем дальше подвигался он вперед, чем ближе был к цели, тем меньше было у него желания повернуть назад, тем решительнее он шел дальше, несмотря ни на что.

Отпустив Типпо-Типа с его отрядом, Стэнли теперь имел возможность посадить всю экспедицию на «Lady Alice» и бывшие у него двадцать две туземные лодки. Путешествие благодаря этому ускорилось, но нападений туземцев от того не уменьшилось. Через две недели после удаления Типпо-Типа, прошедших для экспедиции в непрерывной битве с туземцами-каннибалами, Стэнли встретился с новым бедствием. Река, по которой он плыл, поворачивала на запад, благодаря чему стало ясно, что она есть ничто иное, как Конго, устье которого было известно европейцам много столетий, и на нем были давно уже устроены европейские торговые фактории. Устьем Конго, впрочем, и ограничивалась известная часть этой реки, а вверх по ней никто не поднимался, потому что недалеко от устья на Конго лежат пороги, преграждающие путь судам. Сначала Стэнли, как и Ливингстону,

и в голову не приходило, чтобы та великая река, которую они встретили в центре Африки, могла быть Конго, так как последняя река при своем устье несравненно уже, нежели Луалаба, в особенности там, где она, приняв ряд притоков, переходит в одну из самых широких рек мира. Таким образом, Стэнли открыл теперь, что Конго представляет одну из величайших рек мира. Радость, которую испытал Стэнли при этом открытии, была совершенно омрачена тем обстоятельством, что в месте поворота Конго страшно суживается в тридцать раз против прежней ширины — и образует целый ряд порогов. Приходилось, таким образом, прекратить плавание и выйти на берег, где путешественников ожидали тысячи дикарей, в восторге кричавших, что Бог послал им богатый запас человеческого мяса. Тут начинался самый трудный период путешествия, так как приходилось, высадившись на берег, переносить на себе лодки, чтобы спустить их на реку ниже порогов, и в то же время непрерывно сражаться с нападавшими туземцами. Впереди шел Стэнли с двадцатью отборными людьми, вооруженными ружьями и топорами, и прокладывал путь, разгоняя врагов и в то же время срубая деревья. За этим отрядом шестьдесят человек тащили лодку, останавливаясь в изнеможении для отдыха каждую полумилю. Когда одна лодка была доставлена на место, откуда можно было спустить ее на реку, отправлялись за следующею, пока не были перетащены все двадцать две лодки. Эта титаническая работа, продолжавшаяся 78 часов, сопровождалась постоянными нападениями туземцев, портивших проложенный Стэнли путь, загромождавших его баррикадами, устраивавших засады и осыпавших рабочих тысячами стрел. Когда наконец была перетащена и спущена последняя лодка, путешественники предались самой безумной радости. Но тем сильнее было их разочарование, когда, проплыв некоторое расстояние, они натолкнулись на вторые пороги. Снова пришлось вытаскивать лодки на берег и переносить их по суше. И таких порогов, прозванных с этого времени «водопадами Стэнли», оказалось целых семь. Три с половиною недели должна была употребить экспедиция на то, чтобы обойти это ужасное препятствие, положенное человеческой смелости природою. Наконец после неимоверных трудов, соединенных на каждом шагу со смертельной опасностью, экспедиция вышла снова на широкий простор великой реки, разливавшейся здесь в ширину на несколько верст.

Когда окончилась борьба с природой, снова началась ожесточенная борьба с людьми. Стычки следовали за стычками, пока наконец в месте слияния Конго с одним из самых больших

притоков своих, Арувими, экспедиция не столкнулась с громаднейшей флотилией туземцев, буквально покрывавшей воды реки… Все члены экспедиции сочли себя погибшими и только приготовились дороже продать свою жизнь. Однако и на этот раз дисциплина, огнестрельное оружие и отчаянное мужество взяли верх над численностью, и после кровопролитной битвы неприятель был прогнан.

Спускаясь ниже по Конго, экспедиция вынуждена была выдержать тридцать первое сражение, которое необычайно обрадовало Стэнли тем обстоятельством, что у нападавших оказались ружья. Конечно, это обстоятельство могло быть причиной гибели экспедиции, но оно же свидетельствовало о том, что экспедиция вступила в страны, находящиеся в сношениях с европейскими факториями на устье Конго, и что скоро она вступит в край, умиротворенный торговлей. И действительно, экспедиции пришлось выдержать еще только одно сражение, и затем она шла уже, не подвергаясь нападениям. Но зато ее ожидали бедствия иного рода. Конго в нижней части своей образует огромный разлив, известный под именем «Пруд Стэнли» (Stanly Pool). За этим «прудом», имеющим 30 квадратных миль поверхности, река из широкой, спокойно льющей свои воды, превращается в узкий, бешено несущийся поток, полный водоворотов и порогов. Плавание по этой части в тех скорлупах, в которых шла экспедиция, грозило неизбежной гибелью. Снова пришлось экспедиции перетаскивать лодки, на этот раз через высокие горы, что требовало громаднейших усилий, — а между тем силы экспедиции были окончательно подорваны. Последний европейский спутник Стэнли, Франц Покок, вопреки приказанию, решил попробовать спуститься через один порог и погиб, став жертвой своей неосторожной смелости. Таким образом, все европейцы, отправившиеся со Стэнли, погибли, а сам он остался цел и невредим после всех лишений и опасностей поистине только чудом.

Через несколько дней после смерти Франца Покока Стэнли решил бросить реку и идти сухим путем по дороге, ведшей к португальскому поселению Эмбомм, или Бомма, лежащему на Конго немного выше устья реки. Здесь экспедиции пришлось испытать новое бедствие, от которого она сравнительно мало страдала в течение всего пути, — голод. Край был бедным, земля невозделанной, и жители соглашались продавать съестные припасы только в обмен на ром, которого, понятно, не могло быть у экспедиции, перешедшей поперек Африки. Путешественники съели все, что можно было съесть, и затем начались все ужасы голода. Чтобы спасти экспедицию от голодной смерти, Стэнли

написал воззвание к первым встречным европейцам в Бомме и отправил с ним несколько наиболее сильных людей, а сам остался разделить участь своих товарищей. Мучительно тяжело тянулись часы и дни для голодающих, ожидавших возврата посланных. И вот, когда агония умиравших от голода была близка уже к концу, явились посланные, снабженные съестными припасами благодаря состраданию европейских купцов в Бомме.

9 августа 1876 года, то есть через два года и четыре месяца по выступлении из Занзибара, экспедиция прибыла в Бомму, а 11 августа она приветствовала океан. Отсюда Стэнли перевез своих немногих оставшихся в живых спутников (109 человек из 369 выступивших) в Занзибар, а затем отправился в Европу, встречаемый повсюду самыми горячими овациями.

Это путешествие Стэнли оказалось самым большим из всех путешествий, предпринимавшихся дотоле по Африке, как по громадности пройденного пути, так и по важности географических открытий. Правда, и до Стэнли поперек Африки прошло пятеро путешественников; но все они шли южнее Стэнли, то есть там, где поперечник континента значительно меньше. Первым Гонорато да Косто отправился в 1802 году с западного берега к устью Замбези и прошел это пространство лишь в течение девяти лет. Затем Франческо Коллерда употребил десять лет, с 1838 по 1848 год, на прохождение Африки по направлению из Мозамбика до Бенгуелы. Далее в начале пятидесятых годов Силва Порту прошел в три года от Бенгуелы до устья реки Ровумы, впадающей в Индийский океан. В 1854 году Ливингстон выступил из Сен-Поль-де-Лоанда и прибыл в 1856 году в Квилимане. Наконец между 1873 и 1875 годами Камерун пересек Африку от Багамайо, на Занзибарском берегу, до Бенгуелы, на берегу Атлантического океана.

Стэнли пошел севернее всех своих предшественников и пересек Африку под самым экватором. Географические открытия и исследования смелого путешественника в это путешествие были громадны и в высшей степени важны. Перечислим здесь только важнейшие. Стэнли обследовал озеро Виктория и установил, что оно представляет собою сплошной водный бассейн, а не состоит из пяти отдельных озер, как предполагали ранее. Затем он открыл истинный исток Нила, которым является приток озера Виктория, река Кагера, или Нил-Александра. Далее Стэнли тщательно обследовал озеро Танганьика. Но самым важным является открытие реки Конго. Ранее, как мы говорили, были известны только устье этой реки да небольшая часть ее выше устья. По характеру реки в низовьях ее никто не мог думать, что она занимает место среди первых рек земного шара, а между тем

она оказалась одной из величайших в мире рек. Длина ее около четырех с половиною тысяч верст. Количество воды, которое Конго приносит в океан, достигает чудовищной цифры 50 тысяч кубических метров в секунду, так что в данном отношении Конго уступает из всех рек мира одной только Амазонке. Ширина Конго в некоторых местах достигает двадцати верст. Принимая с обеих сторон множество притоков, из которых многие превосходят самые большие реки Европы, Конго составляет водный бассейн в 4 миллиона квадратных верст. Эта огромная площадь, остававшаяся до Стэнли вовсе неизвестной и считавшаяся совершенно пустынной вследствие ее нахождения под экватором и ввиду соседства с Сахарою на севере и с Калагари на юге, теперь оказалась богато наделенною всеми дарами природы, довольно густо населенною и пригодною для жизни европейцев.

Практическое влияние открытий Стэнли было громадно. С этого момента началась та колониальная лихорадка, которая охватила все западноевропейские государства, вот уже полтора десятка лет старающиеся наперерыв друг перед другом захватить как можно больше места на «черном континенте». Сюда пришли немцы и отхватили себе несколько кусков. От них не отстали, вернее, далеко превзошли их, англичане, восточно-африканская компания которых, а также компания Великих Озер захватили земли именно в местах, пройденных Стэнли. Далее выступили французы, овладевшие огромной областью, известной под именем «французского Конго». Португальцы, и те стали расширять свои африканские владения. В Африке появились даже итальянцы, и так далее. Сам Стэнли принял участие в колониальном предприятии совсем особого рода, имевшем в результате основание «Свободного Штата Конго».

ГЛАВА IV
СВОБОДНЫЙ ШТАТ КОНГО

Пять месяцев по возвращении из последнего путешествия употребил Стэнли на отдых, личные дела, между которыми первое место занимали свидания с матерью, и на составление описания своих приключений и открытий. Надо заметить, что Стэнли, обладая энергичным и образным языком и чисто художественной способностью представлять читателю необычайно живо картины природы и жизни в Африке и события, которые он передает, в то же время пишет с необыкновенной быстротой. Окончив свою работу, Стэнли в начале 1877 года был уже в Брюсселе, где он составил с бельгийским королем план основания независимого государства на Конго, главной целью имея при этом приобщение к цивилизации тех многочисленных негритянских племен, которые он нашел в бассейне Конго и которые приняли его так недружелюбно.

Мысль о спасении негров, с одной стороны, от рабства, а с другой — от печальных сторон цивилизации, которые обыкновенно одни лишь выпадают на долю диким народам, вступающим в сношения с европейцами, давно занимала Стэнли. Еще в книге «Как я нашел Ливингстона» Стэнли скорбел о даровитых негритянских племенах, которые гибли, вырождались и исчезали под влиянием порабощения, производимого арабами, а также оспы, сифилиса и водки, поставляемых европейцами. Уже тогда Стэнли мечтал о государстве, которое, возникнув в недрах Африки, защитило бы негров от всех перечисленных бед.

В бельгийском короле Леопольде, одной из гуманнейших личностей нашего века, Стэнли нашел человека, обнаружившего полное сочувствие своим взглядам. Еще в то время, когда Стэнли находился в самом сердце Африки, Леопольд основал Международную ассоциацию для исследования и цивилизации Центральной Африки. Теперь, после открытий великого «землепрохода», этой ассоциации был придан практический характер, и она взяла в свои руки дело, которое предлагал Стэнли. Средства, необходимые для этого предприятия, дал король Леопольд, положивший в его основу большую часть своего значительного состояния.

В качестве уполномоченного Международной Африканской ассоциации Стэнли снова отправился на Конго, чтобы образовать здесь целый ряд европейских поселений, организовать управление страною и создать задуманное им государство.

Стэнли принялся за новую работу с обычной энергией. Он перетащил посуху целую флотилию стальных пароходов на ту часть Конго, которая заключается между Стэнли-Пулем и водопадами Стэнли и на протяжении 1600 верст представляет собою водяной проток, где свободно могли плавать океанские пароходы. Он пролагал дороги, строил мосты, основывал города, заключал договоры и завязывал торговые сношения с туземными владетелями и народами.

Целых пять лет употребил Стэнли на эту мирную деятельность, и результаты ее получились самые блистательные. Он умиротворил всю нижнюю половину Конго, сделал безопасным передвижение в этой области, привлек в глубь страны европейскую торговлю, создал правильную администрацию и положил прочные основы цивилизации края. Но чего это стоило нашему исследователю!

Первым городком, созданным Стэнли на Конго, был Виви. До Стэнли здесь ничего не было, кроме скал, кустарника да высокой травы. Он употребил пять месяцев труда, проложил сюда дорогу от морского берега, создал постройки, развел плантации и превратил это место в важный торговый пункт Центральной Африки. Следующим пунктом, в котором Стэнли намеревался заложить городок, была Иссангвила, отстоящая от Виви на 400 верст. На всем этом протяжении Конго представляет ряд стремнин и порогов, названных Стэнли «порогами Ливингстона». Пароходы, все огромные запасы и снаряжение экспедиции пришлось тащить по земле. А между тем дороги здесь находились в самом первобытном состоянии, или, вернее, их совсем не существовало. Скалы, провалы, потоки — всего этого было в изобилии на протяжении всего пути. Стэнли не останавливался ни перед чем. Он взрывал скалы, засыпал пропасти, перекидывал через реки мосты. От Иссангвилы до Манианги Стэнли плыл, пользуясь китоловными судами. Но от Манианги до Стэнли-Пуля плавание снова оказалось невозможным и снова приходилось тащить все посуху. Здесь, однако, природа нагромоздила на дороге такие препятствия в виде огромных гранитных утесов, что казалось совершенно невозможным передвинуть по этому пути пароходы. Но для Стэнли ничего не было невозможного — и пароходы перешли через все препятствия до Стэнли-Пуля. Это произвело такое громадное впечатление на туземцев, что Стэнли с этих пор стал слыть между ними за человека, обладающего высшим волшебством.

Когда Стэнли достиг Стэнли-Пуля, он заметил с высоты одного из холмов развевающийся флаг. Это оказался французский флаг, водруженный французским путешественником Саворньяном

де Бразза, занявшим от имени Франции значительную территорию на правом берегу Конго. Это происшествие сильно огорчило Стэнли. С одной стороны, он считал свои права на реку Конго, пройденную им раньше всех европейцев, как бы исключительными, а с другой — занятие территории французами уменьшало владения основываемого им государства и в значительной степени препятствовало осуществлению целей, намеченных им для этого государства, так как из новых французских владений неизбежно должны были проникать в область Конго все те беды цивилизации, от которых Стэнли хотел предохранить туземцев нового края. Однако факт был налицо, и с ним приходилось считаться. Стэнли решил немедленно заняться присоединением к новому государству областей, лежащих по дальнейшему течению Конго. Он перешел на другой берег реки и здесь основал против французского Браззавилля — Леопольдвилль, названный так в честь бельгийского короля. Здесь Стэнли пришлось выдержать столкновение с туземным царьком Нгалиемой, который ни за что не хотел допустить водворения европейцев в своих владениях. Однако Стэнли удалось поладить с ним, не прибегая к силе, и Нгалиема согласился стать в вассальные отношения к новому государству. Покончив здесь, Стэнли отправился дальше. Все время великий инициатор держался Конго, преследуя ту цель, ради которой он прибыл на этот раз в Африку. Но жажда видеть новые места, исследовать неизведанное заставила его однажды покинуть Конго и подняться по одному из его притоков, Куа. Здесь он открыл значительной величины озеро, названное им озером Леопольда II.

Пять лет, проведенных Стэнли на Конго, сломили и его железное здоровье. Огромные труды, жизнь преимущественно под открытым небом и многочисленные выдержанные Стэнли лихорадки заставили его наконец покинуть свой пост и вернуться в Европу для отдыха. Кратковременное пребывание самоотверженного путешественника в Европе было сплошным триумфом, и он, при всей своей нелюбви к торжествам, должен был провести все это время, переходя от одного дававшегося в его честь банкета к другому. Скоро, однако, неблагоприятные известия, пришедшие с Конго, снова заставили его поспешить туда.

Когда Стэнли уезжал в Европу, его место занял присланный бельгийским королем немец Пешюль-Лехе. Это был человек совсем иного склада. Ни талантов Стэнли, ни его ума и энергии в новом уполномоченном не было и следа. Он всего менее заботился также о тех идеальных целях, которые преследовал Стэнли, основывая новое государство на Конго. Лехе явился в

Африку с единственной целью обогатиться и заботился только об этом. Он совершенно пренебрег заботами о расширении занятой новым государством территории, об основании новых станций, об установлении дружественных отношений с туземцами. Корыстолюбивый немец занялся торговлей с туземцами и принуждал их силою работать на своих плантациях. Дело быстро шло к упадку. Проложенные Стэнли дороги, оставленные без поддержки, быстро портились. Городки не только не развивались, но лишались ранее поселившихся в них жителей. Туземцы начинали относиться к пришельцам враждебно. Всему предприятию грозила гибель, если бы не успел вовремя прибыть Стэнли, явившийся на Конго в конце того же 1882 года, в котором он уехал в Европу для отдыха.

Стэнли быстро исправил попорченное Лехе, восстановил всюду порядок и отправился далее вверх по Конго для основания городков, или станций. Он основал станции Болобо и под самым экватором — Экваторвилль. Последняя станция отстоит на 1200 верст от моря. Но Стэнли решил идти дальше в самую глубь той страны, которая приняла его в 1876 году так недружелюбно. На этот раз, однако, дело обошлось без всякой борьбы. Молва о «великом камнеломателе», как прозвали Стэнли туземцы Конго за то, что он при расчистке дорог взорвал массу скал, распространилась по всей этой части Африки, и Стэнли теперь повсюду был встречаем с приветствиями. Туземцы охотно меняли съестные припасы на товары, а местные владетели заключали со Стэнли формальные союзы. Только раз огромная толпа туземцев подступила было с враждебными намерениями к лагерю Стэнли, но, узнав, с кем имеет дело, тотчас же переменила их на дружеские.

По мере того, как Стэнли в это путешествие приближался к водопадам его имени, страна, которую он нашел при первом посещении столь цветущею и переполненною населением, теперь предстала перед ним совершенно разоренной. Деревни были выжжены, пальмовые деревья вырублены, поля заросли дикой растительностью, население исчезло. Словно какой-то исполинский ураган прошел по стране и сокрушил все, что можно было сокрушить. Только кое-где встречались люди, сидевшие на берегу реки, опершись подбородком на руку и тупо смотревшие на все окружающее. Из расспросов этих людей Стэнли узнал, что разорение страны было делом рук арабских работорговцев, проникших наконец и сюда. Эти разбойники пробрались из Ниангуэ на верхнем Конго на Арувими, один из главнейших притоков Конго, и разорили огромную область в 50 тысяч квадратных верст, зацепивши при этом и часть населения по

Конго, выше впадения Арувими. Подойдя к какой-либо деревне, арабы нападали на нее ночью, зажигали с разных сторон, убивали из жителей взрослых мужчин, а женщин и детей уводили в рабство.

Скоро Стэнли встретил огромный отряд работорговцев, который вел больше двух тысяч пленных туземцев. Чтобы набрать такое количество пленных, арабы разрушили 18 деревень с населением приблизительно в 18 тысяч человек, которые частью были убиты, частью разбежались, частью, наконец, умерли уже в плену от жестокого обращения своих новых господ. Обращение это было неизмеримо хуже обращения со всякой скотиной. Несчастные были в оковах и привязаны целыми партиями к одной цепи. Цепь прикреплялась к ошейникам, давившим горло. Во время пути положение закованных было неизмеримо хуже вьючного скота, как бы он ни был тяжело нагружен. На привалах оковы и цепь не давали возможности расправить члены или свободно лечь. Люди должны были жаться один к другому и никогда не имели покоя. Кормили арабы своих пленных лишь настолько, чтобы из них выжили сильнейшие, так как более слабые являлись для них лишь обузой ввиду далекого пути до Занзибара — главного невольничьего рынка в Восточной Африке.

Стэнли готов был напасть на этих разбойников, наказать их и силой отнять у них несчастных пленников. К сожалению, он располагал слишком ничтожными силами для того, чтобы иметь хоть какой-нибудь успех в стычке с многочисленным отрядом арабов и их людей, вооруженных превосходными ружьями. Но он решился сделать все возможное для защиты туземцев от разбоя арабов и вскоре основал у Водопадов Стэнли станцию, назначение которой состояло в том, чтобы помогать туземцам давать отпор арабам-работорговцам, если они появятся на верхнем Конго. Затем Стэнли вступил в сношения с Типпо-Типом: он предложил ему титул губернатора верхнего Конго и жалованье с тем, чтобы Типпо принял на себя обязанность не допускать в страну работорговцев и выгонять их, если они появятся. К сожалению, меры эти недолго имели практическое значение на верхнем Конго. Лица, заменившие вскоре Стэнли во главе администрации «штата Конго», сочли излишним поддерживать с Типпо-Типом те отношения, которые были установлены Стэнли; вместе с тем не было приложено забот о том, чтобы сделать станцию Водопады Стэнли достаточно сильной для отражения арабских шаек, и в 1886 году она была разрушена соединенными силами арабов-работорговцев. Зато более действенной оказалась другая мера, на принятии которой усиленно настаивал Стэнли, — запрещение торговли невольниками в Занзибаре. Мера эта принята лишь в

самое последнее время, хотя при том влиянии, которое получили европейцы в Занзибаре с 1884 года, когда они — сперва немцы, а затем англичане — сделались полными хозяевами султанства, такая мера могла бы получить осуществление немедленно по опубликовании Стэнли тех ужасов, которые производят работорговцы внутри Африки, отыскивая там рабов.

В этот раз пребывание Стэнли на Конго продолжалось около двух лет. К 1884 году он почувствовал себя уже слишком уставшим. И в самом деле, начиная с 1869 года, со времени знаменательного разговора с Гордоном Беннетом, Стэнли, в сущности, не знал отдыха. Пора было и устать. К тому же он видел, что конголезское дело, которому он посвятил столько времени и труда, шло далеко не так, как ему хотелось. Из множества европейцев, явившихся на Конго в качестве помощников Стэнли, совсем не встречалось личностей с идеальными целями. В лучшем случае это были просто люди, служившие из-за жалованья, а чаще имевшие в виду такие же цели наживы, как и Лехе, чуть не сгубивший все предприятие. К тому же и в Брюсселе делались все более недовольными, что конголезское предприятие приносит один ущерб и никакого дохода. Стэнли понимал, что в будущем, когда «штат Конго» станет на ноги и по реке разовьется широкая торговля, одни торговые пошлины с избытком покроют все произведенные на дело затраты, как это и имеет место в настоящее время. Но тогда этого не хотели понимать и думали придать делу торговый характер, чтобы таким путем извлекать из него выгоду. На это Стэнли был не способен, и он оставил место шефа администрации Конго.

Вернувшись в 1884 году в Европу, Стэнли занялся большим трудом, посвященным описанию Конго, его области, природы и населения. Издавши эту книгу, Стэнли получил от Соединенных Штатов Северной Америки предложение принять участие в качестве представителя названного государства в Африканской конференции, собиравшейся в 1885 году в Берлине и имевшей целью урегулировать спорные африканские вопросы установлением общих положений, которыми должно определяться на будущее время приобретение в Африке владений европейскими державами. Стэнли принял предложение и на конференции энергично поддерживал права нового государства Конго. Благодаря его усилиям «Свободный Штат Конго» признан особым государством, состоящим под протекторатом бельгийского короля. Границы нового государства определены весьма широко. В его пределы вошел весь бассейн Конго, за исключением частей территории на нижнем Конго, признанных

за Францией и Португалией. Всего за новым государством признано более двух с половиной миллионов квадратных верст пространства. Конечно, фактически «штат Конго» занимает лишь незначительную часть этой территории на нижнем и отчасти на среднем течении Конго, а все остальное пространство принадлежит «штату» лишь теоретически. Но таковы, за немногими исключениями, и все вообще владения европейцев в Африке. Огромные пространства, отмечаемые на картах как принадлежащие немцам, англичанам, португальцам, французам, итальянцам и испанцам, обыкновенно находятся лишь под протекторатом или «в сфере интересов» названных наций, а фактически ими заняты лишь немногие пункты. Принадлежность территории той или другой нации означает только, что никакая другая европейская нация не имеет права завладеть данной территорией. В этом же смысле «штату Конго» принадлежит все огромное пространство, занимаемое бассейном Конго. Если новое государство будет развивать свои силы, оно мало-помалу распространит свое действительное влияние по всей огромной территории, которая признана за ним.

ГЛАВА V
НА ПОМОЩЬ ЭМИНУ-ПАШЕ

Некоторое время после Берлинской конференции Стэнли прожил спокойно, пользуясь плодами своих многолетних трудов. Всеобщая известность его достигла высочайшей степени. Он постоянно получал от ученых обществ всех стран предложения быть их членом. Лучшие журналы — американские, английские, французские, немецкие — добивались чести иметь его своим сотрудником. Появление Стэнли в том или ином городе Европы и Америки служило поводом к горячим овациям со стороны публики. Описания его путешествий расходились во многих десятках тысяч экземпляров и переводились на все языки цивилизованных народов. Четыре больших сочинения и несколько мелких, в которых Стэнли описывал Африку и путешествия — свои и Ливингстона, — дали ему весьма значительное состояние, позволившее вести вполне независимый образ жизни.

В этот период своей жизни Стэнли лишился нежно любимой матери, многострадальная жизнь которой была осчастливлена на закате отблеском славы ее дорогого Джона. Схоронив мать, Стэнли думал прожить всю остальную жизнь без привязанности, но судьба послала ему теперь счастье, которого он был лишен в молодые годы. Он встретился с мисс Тенант, высокообразованной и талантливой девушкой, уже несколько лет занимавшей видное место в литературных и художественных кругах Лондона. Она сотрудничала в английских журналах, иллюстрируя свои статьи собственными рисунками и, кроме того, занимаясь живописью, причем целый ряд картин ее имел значительный успех на выставках. Стэнли был очарован ее умом, разнообразными знаниями и живостью, а она, в свою очередь, была увлечена его энергическим и благородным характером. В 1887 году Стэнли и мисс Тенант обручились, но свадьба их была отложена, так как Стэнли в это время должен был взяться за дело, которое мог выполнить только он один. Дело это состояло в спасении застрявшего в глубине Центральной Африки Эмина-паши.

Если уже предшествующие путешествия Стэнли по Африке, как по целям, во имя которых они совершались, так и по необычайной энергии, обнаруженной путешественником, заставили всех признать Стэнли первым «землепроходом» нашего века и «рыцарем XIX столетия», то новое путешествие, предстоявшее теперь Стэнли, должно было еще более увеличить

права его на эти титулы. Действительно, опасная и невероятно трудная экспедиция, предпринятая и блистательно выполненная им в интересах освобождения двух европейцев, Эмина-паши и Казати, затерявшихся в глубине Центральной Африки, — экспедиция, продолжавшаяся три года, полная непрерывных опасностей, которые на каждом шагу грозили смертью смелому путешественнику и действительно погубили многих из его спутников, — эта экспедиция совершенно выделяется из обычного течения нашей жизни и напоминает собою отчасти подвиги гомеровских времен, отчасти эпоху средних веков, когда идеи могли двигать целыми народами.

Но кто такие Эмин-паша и Казати, ради которых была предпринята эта героическая экспедиция? Казати — итальянский путешественник, попавший в африканскую передрягу совершенно случайно и никакой существенной роли в данном случае не игравший. Иное дело — Эмин-паша. Это в высшей степени своеобразная личность, и история его кажется в наш узко практический век прямо отрывком из сказок Шахразады. Познакомиться здесь в коротких словах с этой личностью будет вполне уместно.

Настоящая фамилия Эмина-паши — Шнитцер. Немец, точнее, немецкий еврей по происхождению, Эдуард Шнитцер получил весьма солидное естественнонаучное и медицинское образование в Берлине, Вене и Париже. Еще в молодости он отправился на привлекавший его своеобразным строем своей жизни Восток и долго занимался медицинской практикой в Скутари, в Албании. В середине семидесятых, когда знаменитый Гордон, назначенный губернатором суданских провинций Египта, собирал вокруг себя европейцев, с одной стороны, интересовавшихся природой в глубине «мрачного континента», а с другой — способных поработать над уничтожением там работорговли, Шнитцер немедленно явился на зов Гордона. Сперва он исполнял частные поручения, вроде посольств к туземным африканским владетелям, а затем был назначен губернатором самой южной провинции Судана, лежащей на верхнем течении Нила почти под экватором. Провинция эта, недавно присоединенная к Египту, в первые годы египетского управления подверглась чудовищному разграблению со стороны египетских властей, их войск и в особенности находившихся под их покровительством арабских работорговцев. Последние обратили всю страну в поле охоты за людьми и вели это гнусное дело в столь широких размерах, что грозили превратить всю страну в пустыню. Вступив в управление провинцией, Шнитцер, переименовавший себя в Эмина, обуздал египетскую администрацию, египетские войска заменил

туземцами и начал такую решительную войну против работорговцев и охотников за людьми, что скоро их и следа не осталось в его провинции. Вместе с тем он обнаружил недюжинный администраторский талант. Обратив свое внимание на развитие земледельческой культуры, он достиг и на этом пути громадных успехов. Скоро управляемая им провинция покрылась плантациями пшеницы, риса, сахарного тростника, индиго и так далее. Страна отличалась богатой природой, как и большинство стран Центральной Африки. Ей нужны были только внешний покой, порядок и знания, доставляемые наукой, чтобы она процветала, — и все это ей было впервые дано Эмином. Этот неутомимый деятель, все время своего пребывания в сердце Африки не оставлявший научных работ — географических и естественнонаучных, которыми он обогащал специальные издания всей Европы и которые приобрели ему громкое имя в ученом мире, — в то же время усиленно работал на благо населения своей провинции, вводя новые культурные растения, обучая туземцев улучшенным приемам обработки земли, приготовлению тканей из хлопка и так далее. В несколько лет Экваториальная провинция превратилась в цветущий и богатый край, Эмин приобрел громадную популярность среди населения, а войска его, набранные из туземцев, просто боготворили его. В самый разгар цивилизаторской деятельности Эмина-паши в Судане вспыхнуло восстание магдистов, вызванное бездарным и жестоким управлением Реуфа-паши, заместившего Гордона на должности суданского генерал-губернатора. Восстание быстро охватило весь Судан. Гордон был снова приглашен на пост суданского генерал-губернатора, но слишком поздно, чтобы остановить лавину поднявшегося мусульманского фанатизма. Он пал жертвой своего великодушного намерения спасти цивилизацию в Судане и доверия к английскому правительству, которое, послав его на опасный пост, долго медлило с присылкой ему помощи и явилось с нею чересчур поздно, в тот самый момент, когда центр египетского Судана, Хартум, был взят и Гордон предательски убит. С этого момента все египетские владения внутри «мрачного континента» попали в руки магдистов, за исключением провинции Эмина.

Целых шесть лет провел Эмин-паша в своей провинции, отрезанный магдистами от всего мира. Участь его разделяли двое путешественников, застигнутых восстанием Магди, — итальянец Казати и русский немец Юнкер. Удивительное зрелище представляет этот единственный в своем роде факт «царствования» Эмина. На огромной площади, лежащей в самом центре Африки, населенной миллионами дикарей-негров, сперва

три европейца, а затем, за отбытием Юнкера, всего двое, не имея в своем распоряжении никакой другой силы, кроме нравственного влияния, отрезанные от цивилизованного мира, не опираясь ни на какую внешнюю власть, так как престиж египетского правительства совершенно исчез, — сумели в течение этих долгих лет управлять обширным краем, содержать значительное войско, поддерживать всюду строгий порядок и заботиться о благосостоянии населения провинции. Это была какая-то идиллия, своего рода робинзонада. А между тем, на границах этого робинзонова царства стояли, с одной стороны, грозные полчища Магди, а с другой — не менее грозные армии могущественных негритянских государств Униоро и Уганды, о которых мы говорили выше. В Уганде в это время место друга Стэнли, Мтезы, занял Муанга, объявивший беспощадную войну белым, а в Униоро и ранее относились к белым, как мы уже говорили, с величайшей враждебностью. До поры до времени войска Эмина сдерживали напор враждебных сил с обеих сторон, но Эмин понимал, что так дело долго продолжаться не может, рано или поздно полчища магдистов возрастут в такой степени, что с ними его войскам не справиться, как это и случилось впоследствии. Если бы Эмин думал только о себе, он мог бы уйти из своего своеобразного заточения, как ушел от него в 1886 году Юнкер, пробравшийся в Занзибар. Но Эмин знал, что уйти ему значило отдать Экваториальную провинцию в жертву анархии и в руки магдистов. К тому же пройти половину Африки с многотысячной армией нечего было и думать, а покинуть храброе черное войско, бывшее столько лет верным своему вождю, значило оказаться не заслуживающим этой верности. И Эмин решил остаться до конца на своем посту, разделяя общую участь со своей провинцией и своим войском. Он, однако, ждал помощи от Европы, надеясь с этой помощью настолько прочно укрепиться в верховьях Нила, чтобы сделать эту страну навсегда присоединенной к цивилизованному миру, или, по крайней мере, быть в состоянии удалиться из страны со всем своим войском.

Между тем в Европе долгое время даже не знали, жив ли Эмин, а о том, что он невозбранно царит в своей провинции, никто и подумать не мог. Все были уверены, что магдисты, овладевшие Хартумом и всеми другими египетскими крепостями в Судане, уничтожившие несколько египетских армий, угрожавшие самому Египту и англичанам в Вадигальфе и Суакиме, давно заняли Экваториальную провинцию и разбили войска Эмина. Большинство было уверено, что Эмин погиб, так же как Гордон и многие другие из его европейских сподвижников. Только известный путешественник Швейнфурт, бывший ранее

вместе с Эмином в Африке, настойчиво утверждал, что Эмин жив и что его не так-то легко выжить из его провинции. В середине 1886 года пришло наконец письмо от доктора Юнкера, который, как сказано, пробрался из Экваториальной провинции в Занзибар. Эмин оказался не только жив, но и управлял неограниченно в самом центре Африки огромной областью, и просил у Европы помощи для того, чтобы поставить дело цивилизации в этой стране на прочную почву. Воззвание Юнкера по этому поводу произвело в Европе сильное впечатление. Особенно было взволновано общественное мнение в Англии, где считали смерть Гордона грехом, лежащим на совести английского общества, и теперь хотели как бы загладить этот грех спасением Эмина и его храброй армии. Немедленно образовался «комитет помощи Эмину», во главе которого стал известный филантроп Маккинон, и была открыта подписка для получения необходимых средств. Подписка дала громадные суммы: один Маккинон внес около ста тысяч рублей. Египетское правительство, на службе которого Эмин продолжал числиться и несколько офицеров которого было заперто в Экваториальной провинции вместе с Эмином, дало экспедиции несколько десятков своих солдат из суданцев. Бельгийский король как протектор «штата Конго» предоставил в распоряжение экспедиции суда, плавающие на Конго. Английское правительство через своего представителя в Занзибаре набрало на службу экспедиции 650 занзибарцев. Наконец компания индийско-британского мореходства предоставила экспедиции огромный пароход для перевозки ее личного состава и багажа из Каира в Занзибар и отсюда на устье Конго. Многие англичане пожелали присоединиться к экспедиции и разделить ее опасности.

Но кто же должен был стать во главе этого смелого предприятия? Кто должен был вести эту маленькую армию в самое сердце Африки и кто мог с успехом выполнить такую необыкновенную задачу? Относительно этого предмета не было ни малейшего разногласия. Все знали, что только один человек был в состоянии выполнить огромное предприятие, начатое английским обществом, и что этот человек — Стэнли.

Когда в конце 1886 года возник вопрос о снаряжении экспедиции на помощь Эмину, Стэнли находился в пути в Соединенные Штаты, где в ряде городов ему предстояло сделать конференции о своих путешествиях и открытиях; отсюда он собирался в Австралию для таких же конференций. Эти конференции должны были дать Стэнли целое состояние: по крайней мере, в одной Австралии антрепренер, устраивавший это путешествие с чтениями, гарантировал Стэнли минимальный

доход в 200 тысяч франков. Высадившись в Нью-Йорке, Стэнли получил телеграмму от Маккинона с приглашением стать во главе освободительной экспедиции и со следующим же пароходом отплыл в Европу, отказавшись от тех благ, которые ему сулили конференции. Он полагал, что его положение знатока Центральной Африки обязывает его идти на помощь Эмину более чем кого-либо другого; к тому же он ближе, чем кто-либо другой, знал, как должен себя чувствовать европеец, заброшенный в глубь Африки и оставшийся один. Через некоторое время Стэнли появился во главе многолюдной экспедиции в устье Конго, чтобы отсюда предпринять новое трехлетнее путешествие. Путь через Конго, самый длинный, был избран ввиду того, что дороги в Экваториальную провинцию с севера по Нилу и от восточного берега Африки были загорожены: северная — магдистами, а восточная кровожадными королями Уганды и Униоро, имевшими громадные вооруженные ружьями армии. Конечно, и на новом пути Стэнли должен был ожидать препятствий, о которых он мог составить понятие в свое первое путешествие через Африку. Но на этом пути, по крайней мере, не было известно таких сильных владений, как Униоро, Уганда и вновь образованное государство магдистов, хотя, конечно, и здесь могло оказаться нечто подобное. Новый путь имел еще то преимущество, что он пролегал через совершенно неизвестные области, которые можно было попутно обследовать. Избрав этот путь, Стэнли смело выступил 19 марта 1887 года из устья Конго в поход, продолжавшийся три года. Путь, пройденный им в этот раз от устья Конго до Богамайо на Занзибарском берегу, составил немного менее двух тысяч верст.

Общая численность экспедиции превышала 700 человек. Только немногие из них благополучно окончили путешествие; большинство же погибло в глубине Африки от болезней, голода и стрел туземцев или дезертировало. В состав экспедиции входило, кроме Стэнли, десять европейцев; двое из них не вынесли тяжести пути и вернулись в начале дороги, а трое погибли, так что весь путь совершили только пятеро.

В числе спутников Стэнли был также Типпо-Тип, сопровождавший уже Стэнли в путешествии по Конго, о чем было сказано в своем месте. На этот раз Стэнли встретил Типпо-Типа в Занзибаре и условился с ним относительно поставки носильщиков для экспедиции на верхнем Конго, где лежали владения Типпо-Типа. Последний вместе со Стэнли объехал вокруг Африки и теперь поднимался с экспедицией по Конго.

Начало пути было сделано на пароходах. Но так как Конго невдалеке от устья делается несудоходным, то скоро пришлось

идти сухим путем. Уже здесь экспедиция не раз испытывала серьезный недостаток в съестных припасах, так как туземцы производят таковые почти исключительно в размере собственного продовольствия и населению впервые приходилось иметь дело с таким огромным спросом на провизию, какой предъявляла толпа в 700 с лишним человек. От Стэнли-Пуля путешествие снова продолжалось на пароходах, довезших экспедицию до Ямбуйя на Арувими, притоке Конго. Дальнейшему движению пароходов препятствовали пороги, и отсюда нужно было идти сухим путем. До сих пор большую часть пути экспедиция совершала по территории, фактически занятой «штатом Конго». Здесь везде царил порядок, и экспедиция была свободна от каких-либо враждебных действий со стороны туземцев. К тому же, благодаря пароходам, путешествие совершалось весьма быстро. Совсем в иные условия попала экспедиция, вступив в область Арувими. Здесь начинался совершенно неизвестный край, и экспедиция должна была рассчитывать только на собственные силы. Путешествие, которое отсюда должно было совершаться пешком, делалось крайне медленным и тяжелым.

Достигнув Арувими, экспедиция располагала лишь незначительным числом носильщиков. Последних должен был, как упомянуто выше, доставить Типпо-Тип, который и отправился для исполнения этого поручения в свои владения на верхнем Конго. Чтобы не тратить даром времени в ожидании носильщиков, Стэнли разделил свой отряд на две части; одна из них под командой майора Бартелло должна была в укрепленном лагере охранять большую часть грузов экспедиции и, дождавшись носильщиков, отправиться в путь по следам Стэнли, который с другой частью отряда немедленно двинулся в дорогу. К несчастью, выбор начальника оставленного отряда был крайне неудачен, так как майор Бартелло оказался человеком совершенно не подходящим для ответственной роли, возложенной на него Стэнли. Нераспорядительный, неумелый, он к тому же был человеком высокомерным и жестоким. Не поладив со своими спутниками из европейцев, он восстановил против себя Типпо-Типа и своей жестокостью, доходившею до сумасшествия, внушил глубокую ненависть к себе в туземцах отряда, один из которых в конце концов и убил его. Этот злосчастный отряд, несмотря на то, что Типпо-Тип доставил ему несколько сот носильщиков, простоял на месте больше года, потеряв от болезней и голода большую часть своих людей, в том числе двух европейцев, не считая майора Бартелло. Когда наконец он двинулся в путь, то чуть не погиб от голода, и только Стэнли, успевший уже добраться до Эмина-паши и вернувшийся

разыскивать свой арьергард, спас его.

Стэнли выступил из укрепленного лагеря, в котором он оставил майора Бартелло, в начале июля 1887 года, и затем в течение 15 месяцев от него не было никаких известий. За это время все отчаялись в успехе его экспедиции. Общая уверенность в гибели знаменитого путешественника подкреплялась не раз приходившими из глубины Африки известиями от арабских торговцев о смерти какого-то белого, стоявшего во главе каравана. И вдруг в конце 1888 года в Европу пришло письмо Стэнли, извещавшее о том, что он добрался до Эмина-паши.

Путь, пройденный Стэнли по Арувими и далее до озера Альберт, или Мута-Нциге, где он встретил Эмина-пашу, составляет около 1000 верст. На прохождение этого пути пришлось употребить почти полгода: из 389 человек, составлявших отряд при расставании с майором Бартелло, до озера дошли только 174 человека. Остальные погибли от лишений и в битвах с туземцами или были оставлены больными, изможденными, под небольшими прикрытиями, в нескольких пунктах пути. Это может дать некоторое понятие об ужасах дороги, которою прошел Стэнли. Почти все эти полгода отряд беспрерывно голодал; случалось, что по целым неделям отряд шел, не имея ничего для утоления голода, кроме корней трав. Смерть от голода, от дизентерии, тропической лихорадки, от отравленных стрел туземцев — вот что ожидало отряд на каждом шагу. Большая часть пути лежала по бесконечным тропическим лесам, которые, как уже было сказано, занимают значительную часть Африки, и с ужасами которых Стэнли был хорошо знаком по первому путешествию поперек Африки. Та часть этого гигантского леса, по которой шла экспедиция теперь, была еще ужаснее леса, который проходил Стэнли на верхнем Конго. Здесь под вечно темным сводом деревьев, не пропускающих ни одного солнечного луча, замирает всякая жизнь. Нет никакой растительности, кроме самого леса, никаких животных, кроме слонов. Изредка только встречаются открытые поляны, играющие роль настоящих оазисов, полных разнообразия тропической флоры и фауны. Но здесь путешественников ожидали схватки с туземцами, не хотевшими входить с ними ни в какие сношения. Словом, повторились все те ужасы, которые Стэнли уже испытал на верхнем Конго, но еще в более усиленном виде. К довершению бедствия, большая часть полян-оазисов была совершенно разорена и превращена в пустыню арабскими работорговцами, которые пробрались к этому времени и в эти глухие места, невозбранно охотясь на людей, убивая одних, уводя в неволю других, истребляя их жилища, грабя их хозяйства и уничтожая

посевы. Стэнли несколько раз встречался с отрядами этих разбойников, успевших даже устроиться тут в постоянных укреплениях. Арабы были не прочь ограбить и отряд Стэнли, и если не решались сделать этого открыто ввиду общего страха, внушаемого в Центральной Африке именами Стэнли и его друга Типпо-Типа, то не церемонились обирать отставших из его отряда, а также вымогать у проголодавшихся спутников Стэнли в обмен на съестные припасы оружие и одежду, так что в конце концов большая часть отряда Стэнли оказалась не только совершенно безоружной, но и совершенно голой. Будь во главе отряда не Стэнли, а кто-нибудь другой, отряд неминуемо погиб бы. Но этот железный человек никогда не падал духом и умел воодушевлять других. Бывали моменты, когда отряду грозила повальная голодная смерть, люди в изнеможении падали и, конечно, погибли бы, если бы Стэнли не убеждал их совершить еще один переход, в конце которого, по счастливой случайности, оказывался цветущий оазис. В то время, как весь отряд переболел, один Стэнли все время оставался здоровым. Ему нельзя было болеть, так как тогда все погибло бы, и он невероятным напряжением воли поддерживал себя. Только впоследствии, когда самая тяжелая часть задачи была выполнена, он вдруг свалился с ног и чуть не умер.

Добравшись наконец до страны, прилегающей к озеру Альберт, или Мута-Нциге, и оказавшейся, как и вся страна Великих Озер, настоящим земным раем, Стэнли немедленно вошел в сношения с Эмином, владения которого прилегали к северному берегу озера Альберт. Эмин, пользовавшийся в это время со своей провинцией полным спокойствием, был мало склонен к тому, чтобы удалиться из центра Африки, и готов был сделать это лишь в том случае, если бы с ним согласилось оставить Экваториальную провинцию и все его войско. Стэнли решил предоставить Эмину время для решения вопроса о выходе из Экваториальной провинции, а сам задумал собрать оставленных им на пути людей и разыскать свой арьергард, о котором он не имел никаких сведений. Этот обратный поход Стэнли принадлежит к числу самых выдающихся его подвигов. Он только что оправился от смертельной болезни; силы его истощились до последней степени, а между тем ему предстояло пройти взад и вперед снова ту самую дорогу, с ужасами которой он только что боролся в течение целого полугодия. Но он считал себя обязанным идти за своими оставленными больными спутниками и пропавшим арьергардом, так как совесть не позволяла ему поручить это дело кому-нибудь из бывших при нем европейцев. Оставив часть своего отряда в выстроенном недалеко

от Альберта форте, Стэнли с остальными людьми двинулся в обратный путь, собирая тех из отставших, кто еще оставался в живых, пока наконец не натолкнулся на жалкие остатки арьергарда. Собрав, таким образом, остатки своего отряда, Стэнли снова двинулся к Альберту, куда и вернулся уже в конце января 1889 года, то есть более чем через год после первого появления здесь. Этот год, в течение которого Стэнли сделал поход в два конца, вниз и вверх по Арувими, был также полон страданий, если и несколько меньших, чем первый поход по Арувими (так как теперь Стэнли знал дорогу и умел, насколько было возможно, принимать меры предосторожности), тем не менее все-таки настолько ужасных, что двигавшийся отряд таял не по дням, а по часам. Одни гибли, другие убегали. Был период такого продолжительного голода, что сам Стэнли отчаялся и считал все погибшим. К довершению всего отряду пришлось иметь постоянные схватки с диким племенем карликов. Эти карлики, упоминаемые еще Геродотом и арабскими писателями средних веков, долго считались в Европе созданием досужей фантазии. Но теперь ряд путешественников, как Швейнфурт, Юнкер, Ван-Гель, Стэнли и другие, удостоверили распространение карликов по значительной части Центральной Африки, где они обитают среди других племен, враждуя со своими соседями и живя, как дикие звери, в лесах. Все эти лишения сократили численность экспедиционного отряда вдвое, так что из 700 человек, с которыми Стэнли вошел в устье Конго, и 350 носильщиков, данных Типпо-Типом, до озера Альберт дошло всего 550 человек.

Но главное горе ожидало Стэнли впереди. Дойдя до Альберта, Стэнли узнал, что Эмин в плену у собственных взбунтовавшихся войск. Стэнли был в отчаянии. Вся его двухлетняя экспедиция, все труды и лишения, гибель половины экспедиционного отряда — все это оказывалось напрасным, и он опоздал со своей помощью, подобно тому, как опоздали английские войска с помощью Гордону. Стэнли не знал, на что ему решиться, но в это время дальнейшие события в Экваториальной провинции привели дело к развязке.

Когда Эмин сообщил своим египетским офицерам сведения, принесенные Стэнли, о гибели Хартума и оставлении египетским правительством Судана и предложил обсудить вопрос о возвращении на родину через Занзибар при помощи Стэнли, египтяне отказались верить тому, что им уже нельзя ждать помощи с севера, а возвратного пути помимо Нила они и представить себе не могли. Появление Стэнли и его предложение показались им в высшей степени подозрительными. И вот они

распустили слух среди солдат-мусульман, что их хотят обмануть и увезти в Англию, где обратят в рабов. Кучка заговорщиков неожиданно напала на Эмина и оставленного при нем офицера из отряда Стэнли и арестовала их. Когда об этом узнали другие отряды войск Эмина, они готовы были силою выручить любимого пашу. Но в это время в Экваториальную провинцию ворвались магдисты. Первая крепость, занятая войсками Эмина, была взята ими и гарнизон истреблен. При осаде второй крепости магдисты потерпели, однако, поражение и отступили на север провинции — в ожидании спешивших к ним подкреплений. Тогда войско Эмина потребовало немедленного освобождения своего вождя, и мятежники должны были подчиниться этому требованию. Эмин и после этого хотел остаться, разделяя участь провинции. Стэнли стоило много труда уговорить его покинуть область, гибель которой была несомненна. Наконец во второй половине апреля 1889 года Эмин с шестьюстами человек из его войска и семейств офицеров, пожелавших оставить провинцию, двинулся в путь с отрядом Стэнли. К отряду присоединились еще 350 носильщиков из жителей области, лежащей при Альберте. Таким образом, весь отряд состоял из полутора тысяч человек.

Обратный путь Стэнли направил к Занзибару. Чтобы избежать враждебных европейцам государств Униоро и Уганда, он повел свой отряд в обход, тянувшийся две тысячи верст по местности, заселенной недружелюбными туземцами и во многих местах пустынной. Это был путь не менее тяжелый, нежели путь по Арувими, и недаром западноевропейские авторы, описывающие это отступление Стэнли с полутора тысячами человек, сравнивают его со знаменитым отступлением Ксенофонта. Достаточно сказать, что путь от Альберта до занзибарского берега тянулся 8 месяцев и что из 1500 человек, выступивших от озера, до Багамайо дошли только 700.

Как бы то ни было, Стэнли исполнил дело, за которое взялся. Он проник в сердце Африки путем, который дотоле казался совершенно невозможным, и освободил Эмина и тех из его товарищей, которые пожелали уйти из Экваториальной провинции. Многих тяжелых жертв стоило это; тем не менее гуманная цель экспедиции была достигнута, а попутно совершены важные географические открытия.

Из Занзибара Стэнли отправился в Египет и здесь в Каире написал книгу, посвященную только что оконченному путешествию. Книга эта представляет собою два тома в тысячу страниц большого формата, набранных убористым шрифтом. Этот громаднейший труд Стэнли выполнил в 50 дней, то есть с такой невероятной быстротою, которую трудно и представить.

Книга, по мере написания ее, немедленно переводилась с английского на французский и немецкий и вышла одновременно на трех языках. На издание ее потребовалось гораздо более времени нежели на ее составление, а именно четыре месяца. Книга была напечатана в громадном числе экземпляров и, несмотря на высокую цену, около 200 рублей, моментально разошлась, так что понадобилось тотчас же новое издание. В первые же три месяца по выходе книги появилось десять переводов ее на разные языки.

Успех книги свидетельствует о громадном интересе, возбужденном в цивилизованных странах героической экспедицией Стэнли, предпринятой с единственной целью выручить из беды людей, с которыми у Стэнли не было решительно никаких личных связей и которых он ранее даже никогда не видел. И этот интерес проявился не только среди образованной части населения, но и среди западноевропейской массы. Вот характерный в этом отношении факт. Издатель новой книги Стэнли «В мрачнейшей Африке», Марстон, встретил в глубине Англии старого пастуха, который сообщил ему в разговоре, что его единственное желание — прочитать книгу Стэнли. На замечание Марстона, что он знаком с великим путешественником, пастух радостно воскликнул: «Передайте ему фунт стерлингов — это все, что у меня отложено на черный день, — и попросите его прислать мне книгу; остальные деньги я вышлю ему, когда соберу». Конечно, издатель не взял денег и послал поклоннику Стэнли роскошный экземпляр издания с автографом автора.

По возвращении в Европу Стэнли удостоился таких громких и многочисленных оваций, какие в наш век выпадали на долю весьма немногим. Особенно горячо было выражено общественное сочувствие смелому исследователю в Бельгии и Англии. Город Брюссель во главе с бельгийским королем устроил в честь Стэнли торжественный обед, на котором в ряде речей были превозносимы заслуги Стэнли и выяснено громадное культурное значение его открытий. В Англии почти целых полгода Стэнли должен был каждый день принимать депутатов от городов, ученых обществ и политических ассоциаций и присутствовать на устраиваемых в честь его названными корпорациями обедах и банкетах. Совершившаяся в это время свадьба Стэнли с мисс Тенант превратилась благодаря популярности Стэнли в общественное событие. Венчание состоялось в Вестминстерском аббатстве, неподалеку от могилы Ливингстона, причем перед венчанием Стэнли и его невеста возложили венки на могилу великого путешественника-филантропа. Новобрачные получили массу

всевозможных подарков, из которых многие отличались высокой нравственной ценностью, как, например, сочинения Гладстона с надписью от автора, маленький букет, поднесенный лондонскими уличными мальчуганами, и бутылка нильской воды, присланная одним чернокожим приятелем Стэнли с верховьев Нила. На свадьбе присутствовали все выдающиеся личности английского общества, принадлежащие к политическому, литературному, научному и художественному миру. Когда после того Стэнли поехал в Америку, то его приняли там с еще большим энтузиазмом, нежели в Англии. Теперь, между прочим, американцы могли выслушать от Стэнли личные сообщения о его приключениях, сообщения, которых они ждали так давно. Американцы с гордостью смотрят на Стэнли как на явление американской жизни ввиду того, что молодые годы Стэнли провел в Америке и здесь его ум и энергия получили первое развитие.

Среди этих всеобщих выражений сочувствия Стэнли, конечно, не мог избежать проявлений зависти. Прежде всего она возникла в среде немецких путешественников, которым причиняли крайнюю досаду лавры Стэнли. Не имея сил совершить и ничтожной доли того, что выполнил Стэнли (немецкая экспедиция, отправленная с занзибарского берега на помощь к Эмину, не дошла даже до озера Виктория), они всячески старались уменьшить значение совершенного Стэнли подвига. Дело дошло до того, что завистники стали обвинять Стэнли даже в том, что он спас Эмина, который будто бы не нуждался ни в какой помощи и которого Стэнли якобы насильно увел из его провинции. Выходило нечто до крайности нелепое. Сначала все кричали об опасном положении Эмина и необходимости спасти его; сам Эмин умолял в своих письмах оказать ему помощь; друзья его, Швейнфурт и Юнкер, возбудили в этом смысле сильнейшую агитацию, — и когда наконец нашелся человек, взявший на себя невероятно трудное дело спасения Эмина и блистательно выполнивший эту задачу, снабдив Эмина боевыми припасами, с которыми он мог держаться в своей провинции, если бы к тому была возможность, и доставив Эмина до европейских владений из центра Африки после того, как держаться на верхнем Ниле далее оказалось невозможным, — тогда вдруг начинают говорить, что Эмин совсем не нуждался ни в чьей помощи, забывая, что без этой помощи ему предстояло неизбежно погибнуть от наводнивших страну магдистов.

Нашлись у Стэнли противники и иного рода. Его стали обвинять в жестокости по отношению к неграм, и так как в действительности отношение Стэнли к туземцам всегда носило

прямо противоположный характер, и даже главною целью его работы в Африке было именно уничтожение господствующих в ней жестокостей, то ему начали ставить в вину жестокость вышеупомянутого майора Бартелло, начальника арьергарда в последней экспедиции Стэнли, и товарища Бартелло, художника Джемсона, хотя эта жестокость была проявлена в то время, когда Стэнли был за тысячу верст от места действия, и он первый возмутился ею и выставил позорные поступки этих людей на суд общественного мнения в своей книге. К счастью, Стэнли обладает способностью стоять выше мелочных нападок, вызываемых завистью и мелкой злобой, которые всегда питают ничтожества к выдающимся людям.

По приезде в Англию Стэнли поднял усиленную агитацию с целью вызвать противодействие успехам немцев в Центральной Африке, пытавшихся проникнуть в страну Великих Озер и утвердить там свое владычество. Борьба немцев с туземцами на занзибарском побережье, сопровождавшаяся гнусным избиением безоружных людей и бесцельными бомбардировками цветущих прибрежных городков, внушила Стэнли глубочайшую ненависть к немцам. Под влиянием поднятой им агитации английское правительство вступило в переговоры с Германией об уступке Англии значительной части территории, на которую немцы претендовали в Центральной Африке, и действительно получило эту уступку, в обмен на ничтожный Гельголанд, островок в Немецком море, принадлежавший Англии. Благодаря этой сделке Англия получила исключительные права на область Великих Озер, занимающую более полумиллиона квадратных миль.

В настоящее время Стэнли 50 лет. Это возраст, в котором на Западе только достигают полного мужества и расцвета сил. Нет сомнения, что его блистательная деятельность в качестве исследователя и цивилизатора Африки еще далеко не завершилась. Конечно, теперь, когда Стэнли обзавелся семьей, ему будет труднее решаться на тяжелые и полные опасностей предприятия; но миссис Стэнли, без сомнения, не станет ему помехою на этом пути, что она доказала еще невестой не сделав ни малейшего противодействия последнему самому опасному путешествию Стэнли. И мир, вероятно, еще не раз будет удивляться отваге, мужеству и благородству характера великого «землепрохода».

ИСТОЧНИКИ

1. Стэнли. Как я нашел Ливингстона.
2. Stanley. A travers le continent mysterieux.
3. Stanley. Congo.
4. Stanley. Dans les tenebres de l'Afrique.
5. Адольф Бюрдо. Приключения Стэнли.
6. Глэв. Шесть лет в дебрях Центральной Африки.
7. Wauters. Stanley au secours d'Emin-pacha.
8. J. Scott Keltie. La delivrance d'Emin-pacha.
9. «Western Mail», 1886.